

Джек Вэнс

ХРОНИКИ АЛАСТОРА

трилогия

18+

Сотни планет. Тысячи тайн. Три судьбы

FANZON

Fanzon. Fantasy World. Мастера фэнтези

Джек Вэнс

Хроники Аластора 1-3

«ЭКСМО»

1973, 1974, 2012

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Вэнс Д.

Хроники Аластора 1-3 / Д. Вэнс — «Эксмо», 1973, 1974, 2012 — (Fanzon. Fantasy World. Мастера фэнтези)

ISBN 978-5-04-249307-2

Джек Вэнс отправляет читателя в звездное скопление Аластор, заключающее в себе сотни уникальных планет, каждая из которых имеет свою культуру, обычаи, порядки и социальный строй. И свои истории. Труллион: Аластор 2262. Бывший военный по имени Глиннесс возвращается на родину после многолетней службы, но вместо теплого приема сталкивается с интригами в семье и хаосом в родовом поместье. Единственным способом заработать денег и навести порядок становится популярная на Труллионе игра «хуссейд». Глиннесс быстро находит команду и обзаводится нужными знакомствами, но его азарт вкупе с талантом и природной смекалкой приводит к неожиданным открытиям. Вист: Аластор 1716. Юный художник Джантифф решает посетить планету Вист, известную своим уникальным освещением и невероятными закатами. Прибыв в пункт назначения, он знакомится с местной культурой эгилизма, основу которой составляет понятие равенства всех жителей. Но данная идеология близка не всем. Невольно Джантифф оказывается свидетелем готовящегося заговора против устоявшегося режима, местного правительства и самого коннати́га – верховного правителя Аластора. Удастся ли чужестранцу найти помощь и предотвратить катастрофу? Марун: Аластор 933. На одной из планет скопления найден юноша. Он не помнит, кто он и откуда прибыл. В госпитале коннати́га врачам удается определить родную планету больного – Марун, окруженную четырьмя солнцами. Нареченный «Пардеро» юноша возвращается домой, желая узнать свое прошлое и понять, кто и каким образом лишил его памяти. А главное, кто желал ему зла на планете, где само слово «убийство» вызывает у обитателей животный страх, наравне с темнотой, наступающей так редко, что она вызывает у всех столь же неподдельное чувство ужаса? «Джек Вэнс – один из по-настоящему значительных писателей научной фантастики своего времени». – Los Angeles Times Book Review «Герои Джека Вэнса существуют внутри изоциренных

социальных и языковых конструкций – в обществах столь же сложных и изящных, как яйца Фаберже». – Locus «У Джека Вэнса есть бархатная изысканность стиля, соперничающая с тем, как Джон Гилгуд читает поэзию... Одно из настоящих сокровищ научной фантастики». – The Washington Post Book World

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-249307-2

© Вэнс Д., 1973, 1974, 2012

© Эксмо, 1973, 1974, 2012

Содержание

Труллион	10
Глава 1	12
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джек Вэнс Хроники Аластора

Jack Vance ALASTOR CLUSTER

Trullion: Alastor 2262

Copyright © 1973, 2012 by Jack Vance Marune: Alastor 933

Copyright © 1974, 2012 by Jack Vance WYST: Alastor 1716

Copyright © 1974, 2012 by Jack Vance

© Александр Фет, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖЕКА ВЭНСА,
ВЫШЕДШИЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
FANZON

УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

СКАЗАНИЯ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ
ЛЕГЕНДЫ УМИРАЮЩЕЙ ЗЕМЛИ

ЛИОНЕСС

САД ПРИНЦЕССЫ СУЛЬДРУН
ЗЕЛЕНАЯ ЖЕМЧУЖИНА. МЭДУК

ХРОНИКИ ДЕРДЕЙНА

ХРОНИКИ АЛАСТОРА

Jack Vance

ALASTOR
CLUSTER

TRULLION – ALASTOR 2262

WYST – ALASTOR 1716

MARUNE – ALASTOR 933

Джек Вэнс

ХРОНИКИ
АЛАСТОРА

ТРУЛЛИОН – АЛАСТОР 2262

ВИСТ – АЛАСТОР 1716

МАРУН – АЛАСТОР 933

FAN|ZON

МОСКВА

Труллион Аластор 2262

Далеко на краю галактики прозябает почти оторвавшийся лепесток витка спирали – Аластор¹, скопление тридцати тысяч видимых звёзд, занимающее пространство от двадцати до тридцати световых лет в поперечнике. Скопление окружено безднами пустоты с редкими блёстками звёзд-отшельниц. Извне Аластор выглядит фейерверком беспорядочно раскинутых звёздных неводов с искристыми переплетениями. Сияющие россыпи светил перемежаются пылевыми облаками – поглощённые ими звёзды тлеют коричневато-оранжевыми, розовыми и дымчато-янтарными угольками. Невидимые погасшие звёзды блуждают среди миллионов бесформенных лун, астероидов и комет, слепленных из железа, шлака и льда – так называемых старментов.

По скоплению разбросаны три тысячи обитаемых планет, в совокупности дающих пропитание, помимо других существ, примерно пяти триллионам людей. Миры эти разнообразны – непохожи и населяющие их народы. Тем не менее все они говорят на одном языке и подчиняются престолу коннатига, правящего в Люсце на планете Нуменес.

Шестнадцатым коннатигом династии Айдилов стал Оман Уршт, человек заурядной внешности. Позируя художникам или присутствуя на церемониях, он надевает строгий чёрный мундир и чёрную каску, чтобы производить впечатление непреклонного всемогущества – таким он остаётся в воображении обитателей скопления Аластор. В частной жизни Оман Уршт отличается спокойным, рассудительным характером и предпочитает скорее не вмешиваться в дела местных правительств, нежели добиваться буквального выполнения указов. Часто размышляя о различных аспектах доставшейся ему власти, он прекрасно понимает, что малейшее проявление его воли – жест, слово, символический намёк – может повлечь за собой лавину непредсказуемых последствий. Поэтому коннатиг старательно создаёт образ сухого, немногословного, лишённого эмоций правителя.

С точки зрения не слишком внимательного постороннего наблюдателя, Аластор выглядит безмятежно процветающей конфедерацией миров. Коннатигу известна другая сторона картины. Он сознаёт, что всюду, где человеческие существа стремятся приобрести преимущества, существуют неравенство и неравновесие. Без своевременного высвобождения напряжение в общественной ткани становится чрезмерным и приводит к разрыву. По мнению коннатига, его функция заключается в обнаружении и безопасном устранении угрожающих социальных деформаций. Иногда он внедряет улучшения, порой прибегает к отвлекающей тактике. Когда суровые меры становятся неизбежными, коннатиг пользуется возможностями Покрова, своей космической армады. Оман Уршт морщится, наступая на насекомое, – коннатиг без сожаления отдаёт приказ, обрекающий на смерть миллионы людей. Нередко, руководствуясь тем соображением, что любое действие приводит к противодействию, коннатиг отстраняется, опасаясь осложнять равновесие сил внесением третьей составляющей. «Не уверен – не вмешивайся» – таков один из принципов, наиболее почитаемых единоличным правителем тысяч миров.

Согласно древней традиции коннатиг странствует инкогнито по планетам Аластора. Время от времени, чтобы восстановить справедливость, он выступает в качестве важного должностного лица. Анонимный благодетель нередко вознаграждает доброту и самопожертвование. Коннатиг живо интересуется укладом жизни своих подданных и внимательно прислушивается к их разговорам. Например...

¹ Аластор – в древнегреческой мифологии «дурной глаз», «демон мести». – *Прим. перев.*

СТАРИК (*обращаясь к ленивому юнцу*): Если бы у каждого было всё, что душе угодно, кому пришло бы в голову работать?

ЮНЕЦ: Уж во всяком случае не мне, это как пить дать!

СТАРИК: И ты же первый взвоешь, когда погаснет свет и выключат отопление! Само собой ничего не делается. Давай-ка подтянись, не отлынивай! Терпеть не могу лодырей.

ЮНЕЦ (*ворчливо*): Будь я коннатигом, всё было бы устроено так, чтобы каждый жил в достатке. Представь себе: никто не потеет, спину не гнёт. Захотел смотреть хуссейд – пожалуйста, заходи бесплатно, занимай свободное место! Захотел прокатиться на космической яхте? Да ради бога! Новые наряды каждый день! Служанки подают лучшие деликатесы!

СТАРИК: Даже если коннатиг семи пядей во лбу, как он угодит и тебе, и служанкам? Надают тебе служанки затрецин, вот и все деликатесы! Займись наконец делом.

Ещё одна беседа...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Молю тебя, забудь о поездке в Люсц! Тебя похитят и продадут в гарем коннатига!

ДЕВУШКА (*игриво*): Неужели? И что тогда?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Подниму мятеж! Стану величайшим старменером² всех времён, грозой Аластора! Разобью Покров в беспощадной битве, захвачу Нуменес, свергну коннатига – и ты снова будешь моей!

ДЕВУШКА: Очень признательна... Но разве коннатигу приглянется дурнушка-простушка? Куда там! Он меня даже не заметит. В Люсце к его услугам самые пленительные красавицы Аластора.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК: Да уж, неплохо он устроился, нечего сказать! Хотел бы я в один прекрасный день оказаться на его месте!

Девушка капризно фыркает и отворачивается.

Молодой человек озадачен. Оман Уршт тихо удаляется.

Люсц, дворец коннатига – в самом деле достопримечательное сооружение на пяти гигантских опорах, возносящееся над морем на три с лишним километра. По нижним прогулочным террасам бродят любопытствующие посетители, слетевшиеся со всех концов Аластора и сопредельных областей – Меркнущих Просторов, Примархии, Эрдического сектора и скопления Рубримар. Здесь попадают даже гости из Ойкумены и прочих пределов Галактики, присвоенных человеком.

Над публичными террасами находятся правительственные учреждения, церемониальные залы и телекоммуникационный комплекс, а ещё выше – знаменитое Кольцо Миров, где каждой обитаемой планете скопления отведён отдельный справочный кабинет. Персональные апартаменты коннатига гнездятся в шпиле, венчающем башню дворца. Шпиль скрывается в облаках, порой пронзая их насквозь и воспаряя в вечно ясное небо. Когда шпиль Люсца радужно сверкает в солнечных лучах, дворец коннатига поражает воображение – сказочное, фантастическое видение! Его нередко называют самым вдохновляющим творением человеческих рук.

² Старменеры – пираты и мародеры, время от времени находящие убежище на необитаемых лунах и астероидах, «старментах».

Глава 1

Кабинет 2262 Кольца Миров посвящён Труллиону, одинокой планете скромной белой звезды, малозаметной в россыпи светил, выходящей подобно струйке дыма на краю скопления. Труллион – небольшой, преимущественно покрытый водой мир с единственным узким экваториальным континентом, Мерланком³. Величественные гряды кучевых облаков дрейфуют из морских далей, разбиваясь о вершины центрального хребта, сотни рек возвращаются к морю по обширным долинам, где зерно и фрукты зреют в таком изобилии, что практически ничего не стоят.

Поселенцы привезли на Труллион бережливость и усердие, ранее способствовавшие выживанию в суровой, не прощающей оплошностей среде. На первых порах история триллей знаменовалась дюжиной войн, накоплением богатств сотнями удачливых семей, возникновением касты наследственных аристократов и постепенным истощением исходного запаса энергии. Трилли-простолюдины стали спрашивать себя: к чему трудиться в поте лица своего, зачем ходить вооружёнными до зубов, если с таким же успехом можно беззаботно праздновать, петь и веселиться? Уже в третьем поколении старые порядки начали стираться из памяти. Ныне рядовой трилле трудится лишь постольку, поскольку это требуется, чтобы приготовить закуски к пиршеству, утолить страсть к хуссейду, выручить немного денег и купить пульсор для лодки, кухонную утварь или отрез ткани, достаточный для выкройки парая – свободного платья наподобие длинной рубахи, предпочитаемого на Труллионе как женщинами, так и мужчинами. Время от времени трилли возделывают покрытые буйной растительностью земли, рыбачат в океане, ставят сети на реках, собирают урожай диких фруктов и – когда находит настроение – добывают на горных склонах изумруды и опалы или скребут кауч⁴. Трилле работает примерно один час в день, иногда даже два или три часа, но проводит гораздо больше времени в приятных размышлениях на веранде обветшалого дома. Трилле не доверяет большинству механизмов и устройств, находя их непривлекательными, чрезмерно замысловатыми и (что важнее всего) дорогими, но брезгливо пользуется телефоном ради упорядочения и упрощения общественных связей и воспринимает пульсор своей лодки как нечто само собой разумеющееся.

Как в большинстве буколических сообществ, любой трилле имеет безошибочное представление о своём месте в социальной иерархии. На вершине – аристократия, практически отдельная раса. В самом низу – не менее обособленная каста кочевников-треваньев. На Труллионе недолюбливают всё незнакомое и слишком необычное. Трилле преимущественно кроток и незлобив, но, будучи достаточно раздражён настойчивыми провокациями, способен впасть в дикую ярость. Некоторые обычаи триллей – в частности зловещий обряд, справляемый на прутаншире, – отличаются почти варварской жестокостью.

Правительство Труллиона рудиментарно, и большинство триллей им почти не интересуется. Мерланк подразделён на двадцать префектур; каждая управляется несколькими учреждениями и небольшой группой должностных лиц, составляющих класс, чуть возвышающийся над рядовыми триллями, но существенно уступающий аристократии. Торговля с другими планетами скопления незначительна, в связи с чем на Труллионе известны только четыре космических порта – Порт-Гау в западной части Мерланка, Порт-Керубиан на северном берегу, Порт-Маэль на южном и Вайяменда на восточном.

³ Мерланк – разновидность ящерицы. Континент вытянулся вдоль экватора, как ящерица, прижавшаяся к голубому стеклянному шару.

⁴ Кауч – вещество-возбудитель, извлекаемое из спор горного плесневого грибка и применяемое в большей или меньшей степени всеми триллями. Иные погружаются в мир опьянения и эротических фантазий настолько, что ведут себя безответственно и становятся предметом беззлых насмешек. В условиях, преобладающих на Труллионе, безответственность вряд ли можно расценивать как социальную проблему первостепенной важности.

В ста шестидесяти километрах к востоку от Порт-Маэля находится ярмарочный город Вельген, знаменитый прекрасным стадионом для хуссейда. За Вельгеном начинаются Низины – удивительной красоты дельта, результат слияния нескольких рек. Бесчисленные плёсы, рукава и протоки делят этот край на мириады островов, местами весьма внушительных, подходящих для земледелия, но чаще настолько крошечных, что на них помещается лишь хижина рыбака да деревце – чтобы лодку привязывать.

Всюду открываются чарующие, переходящие одна в другую дали. Серо-зелёные мены, серебристо-ржавые помандеры, чёрные джердины выстраиваются торжественной чередой вдоль водных путей, придавая каждому острову неповторимый силуэт. На покосившихся верандах подкрепляются домашним вином из кувшинов праздные селяне. Иногда они собираются, чтобы поиграть на гармониках, небольших пузатых гитарах и клавишных дудках-каллиопах, производящих жизнерадостные трели и глоссандо. Свет в Низинах, бледный и нежный, отликает оттенками слишком быстротечными, почти неуловимыми для глаз. По утрам туманная дымка скрывает расстояния, а пышные закаты, лимонно-зелёные и сиреневые, не слишком яркие и торжественно печальны. По воде снуют челноки и ялики, а поодаль время от времени неспешно проплывают яхта аристократа или паром, совершающий рейсы между Вельгеном и низинными деревнями.

В самой глубине Низин, в нескольких километрах от посёлка Зауркаш, на острове Рэйбендери жили Джут Хульден, его жена Маруча и с ними три сына. Их остров занимал около ста акров – считая лесистую треть, заросшую меной, чёрным деревом, свечным орехом и семприссимой. Рэйбендери огибали Фарванский рукав с запада, Гильвежский рукав с востока, а вдоль северного берега сонная река Заур. К югу простирался широкий Амбальский плёс. На юго-западной оконечности Рэйбендери между двумя огромными древовидными мимозами приютился ветхий дом Хульденов. По столбам веранды карабкались лозы розалий, свисавшие по краю крыши и создававшие прохладную ароматную тень, – здесь супруги любили дремать в старых плетёных креслах. С веранды открывался вид на юг – на Амбальский плёс и остров Амбаль, площадью не больше трёх акров, где росли роскошные помандеры, серебристо-охряные на фоне патетических мен, и три гигантских фанзаниля, склонивших свысока лохматые кроны-помпоны. Сквозь листву проглядывал белый фасад усадьбы, где лорд Амбаль некогда содержал любовниц. Теперь Амбаль принадлежал Джуту Хульдену, но тот не проявлял ни малейшего желания переселиться в усадьбу, опасаясь показаться выскочкой и вызвать насмешки друзей.

В молодости Джут Хульден играл в хуссейд за «Зауркашских змеев». Маручу выбрали шерлью⁵ «Вельгенских ведунов». Так они встретились и поженились, в связи с чем родилось трое сыновей – старший, Шайра, и близнецы Глиннес и Глэй, а также дочь Шере, украденная мерлингами⁶.

⁵ Шерль (непереводимый термин из лексикона особых выражений, употребляемых в хуссейде) – прекрасная нимфа, излучающая экстатическую жизнелюбивую силу и побуждающая игроков своей команды к небывалым подвигам силы и ловкости. Шерль – девственница; игроки обязаны защищать свою «деву-покровительницу» от позора поражения.

⁶ Мерлинги – земноводные полуразумные аборигены Труллиона, живущие в туннелях под речными берегами. Между мерлингами и людьми поддерживается напряжённое, исключительно неустойчивое перемирие – испытывая обоюдную ненависть, они при случае охотятся друг на друга, но только на взаимно приемлемых условиях. Ночью мерлинги рыщут по берегам в поисках падали, небольших животных и детей. Если мерлинги повреждают лодки или проникают в жилища, люди в отместку глушат их глубинными бомбами. Но если человек падает в воду или отваживается плавать, он оказывается во владениях мерлингов и рискует кончить свои дни в подводном туннеле. Сходным образом люди безжалостно истребляют мерлингов, обнаруженных на суше.

Глава 2

Глиннес Хульден появился на свет плача и пинаясь. Внимательный и молчаливый Глэй присоединился к нему через час. С первого дня своей жизни они отличались и внешним видом, и темпераментом, и всеми обстоятельствами существования. Глиннес, подобно Джуту и Шайре, был дружелюбен, доверчив и покладист. Со временем из него вышел парень приятной наружности: со светлым взглядом, пыльно-соломенными волосами и широко улыбающимся ртом. Глиннес наслаждался всеми радостями Низин – пирушками, любовными похождениями, звездочтениями⁷, парусными гонками, хуссейдом, ночной охотой на мерлингов и просто бездельем.

Глэй поначалу не мог похвалиться крепким здоровьем. Первые шесть лет он часто капризничал и замыкался в себе. Потом он поправился, вытянулся и быстро перерос Глиннеса. На лице темноволосого Глэя обычно сохранялось выражение пронизывающей бдительности, взгляд его сосредоточенно останавливался на собеседнике. Глиннес воспринимал идеи и события без особого скептицизма – Глэй угрюмо отстранялся от модных веяний. Глиннес был прирождённым игроком в хуссейд, тогда как Глэй отказывался сделать шаг в направлении стадиона. Джут, человек более или менее беспристрастный, с трудом скрывал расположение к Глиннесу. Маруча, высокая, темноволосая и склонная к романтическим мечтаниям, предпочитала Глэя – ей казалось, что она замечает в нём чувствительность поэта. Маруча пыталась увлечь Глэя музыкой, объясняя, что музыка позволит ему передавать свои чувства другим и делать их понятными. Какое-то время Глэй равнодушно брэнчал на гитаре, но к дальнейшим возможностям не проявил никакого интереса.

Глэй оставался тайной для самого себя. Длительные размышления не позволили ему разобраться в своих побуждениях, не помогли ему в этом и братья с родителями. С мальчишеских лет его прозвали «лордом Глэем» за суровую внешность и слегка высокомерные замашки. Случайно или нет, из всех Хульденов только Глэй не возражал против переселения в усадьбу на острове Амбаль. Даже Маруча махнула рукой на эту приятно щекотавшую самолюбие, но притом легкомысленную затею.

Глэй полностью доверялся только ментору Акадию, поселившемуся в достопримечательном строении на острове Сарпассанте в нескольких километрах к северу от Рэйбендери. Тощий нескладный чудаковитый человек с длинными руками, слишком большим носом, редкими кудрями табачного цвета, тусклыми голубыми глазами и постоянно дрожащим, готовым расплыться в ухмылке ртом, Акадий, как и Глэй, был своего рода отщепенцем. В отличие от Глэя, однако, Акадий умел выгодно использовать свои особенности – среди его клиентов числились даже аристократы.

⁷ Звездочтение: ночной небосклон Труллиона и прочих планет скопления Аластор поражает изобилием пылающих звезд. Атмосфера преломляет звёздный свет – небеса трепещут и переливаются лучами, отблесками, внезапными вспышками. Поздно вечером трилли выходят в сады с кувшинами вина, указывают на звёзды, называя их по именам, и рассказывают друг другу всё, что слышали о далёких мирах. Для триллей, как и для практически любого народа Скопления, ночное небо – не абстрактная вознесённая твердь, но скорее великолепная светящаяся карта известных человеческих селений, разделённых невообразимыми расстояниями. При звездочтении обычно заходит разговор о пиратах, так называемых старментерах, об их внушающих ужас и отвращение деяниях. Когда над горизонтом восходит звезда Нуменеса, беседа возвращается к коннатигу и славному дворцу в Люсце, причём кто-нибудь обязательно предупреждает остальных:– Держите язык за зубами! Кто знает? Не ровён час, коннатиг присел где-нибудь рядом, пьёт наше вино и помечает в списках фамилии нежелательных диссидентов. Слова эти вызывают нервные смешки – привычка коннатига незаметно странствовать по планетам Аластора общеизвестна. Потом кто-нибудь ещё непременно отваживается заметить:– Нас тут всего десять (двенадцать, шестнадцать, двадцать – в зависимости от okazji) человек, а в Скоплении насчитывают пять триллионов, то есть миллионов миллионов людей! Какова вероятность того, что коннатиг окажется среди нас? Вы как хотите, а я рискну говорить всё, что думаю! Как-то раз во время такого звездочтения несмышлёная Шере Хульден отбежала в темноту. Никто не успел опомниться, как мерлинги схватили её и утащили под воду.

Акадию платили, в частности, за выполнение функций составителя эпиграмм, поэта, каллиграфа, гуру, ценителя изящных манер, профессионального гостя (пригласить Акадия на вечеринку значило показать, что у тебя денег куры не клюют), свата, звездочёта, юрисконсульта, хранителя местных традиций и источника скандальных сплетен. В устах Акадия, с его физиономией клоуна, вкрадчивым говорком и умением искусно вставлять обтекаемые намёки, унижительная сплетня становилась тем более ядовитой. Джут недолюбливал Акадия и не хотел иметь с ним ничего общего – к вящему сожалению Маручи, так и не расставшейся с надеждой занять высокое общественное положение. В глубине души Маруча не забывала, что вышла замуж за простолюдина, тогда как шерли иных команд становились супругами лордов!

В своё время Акадий побывал на других планетах. Вечерами, в часы звездочтений, он указывал на звёзды и называл знакомые ему миры, описывая роскошь и поразительные привычки далёких племён. Джут Хульден проявлял полное равнодушие к путешествиям – его интерес к чужим мирам ограничивался обсуждением достоинств приезжих мастеров хуссейда и происхождением команды, выигравшей чемпионат Скопления.

Вскоре после того, как Глиннесу исполнилось шестнадцать лет, он видел звездолёт старментеров. Корабль обрушился с неба за островом Амбаль, пикируя в сторону Вельгена. По радио передавали ежеминутные сообщения о набеге. Старментеры приземлились на центральной площади, мигом высыпали из корабля и ограбили банки, конторы торговцев самоцветами и склады, где хранился кауч – ценнейший товар труллионского производства. Кроме того, старментеры захватили заложниками несколько важных персон. Молниеносный набег был хорошо организован – награбленное добро и пленники оказались на борту корабля через десять минут. К несчастью для пиратов, в ту минуту, когда вельгенская радиостанция передала первый сигнал тревоги, в Порт-Маэле приземлялся крейсер Покрова. Капитану ничего не стоило изменить курс и направиться к Вельгену.

Глиннес выбежал на веранду, чтобы посмотреть на пролетающий крейсер Покрова – величественно-красивый корабль, выкрашенный бежевой, пунцовой и чёрной эмалью. Как хищная птица, он устремился к Вельгену и скоро исчез из поля зрения. Радиокорментатор почти кричал:

– ...Бандиты поднимаются в воздух, но корабль Покрова уже прибыл! Клянусь девятью торжествами, Покров уже здесь! Старментеры не смеют включить мах⁸ – они сгорят от трения в воздухе! Им придётся обороняться! – Диктор не мог сдерживать возбуждение, голос его срывался. – Залп! Крейсер нанёс удар, старментеры беспомощны – ура! Пиратский корабль дрогнул и садится на площадь... Нет, нет... о ужас! Какой ужас! Он упал на рынок, сотни людей раздавлены! Внимание! Катера «Скорой помощи», все врачи и санитары! Катастрофа в Вельгене! Слышу, как жалобно кричат раненые... В корабле старментеров пробоина, но они отстреливаются... Сверкнул голубой луч. Опять. Пираты не сдаются... Нет, их орудия молчат. Всё, им конец – их двигатель сгорел. – Помолчав несколько секунд, комментатор снова взволновался: – Что за зрелище! Люди вне себя от гнева, толпа стекается к кораблю грабителей. Старментеров тащат наружу... – Диктор прервался на полуслове и продолжал уже спокойнее: – Вмешались констебли. Толпу заставили потесниться, старментеры арестованы. Что ж, поделом! Бандиты знают, что их ждёт, и яростно вырываются. О, их ждёт прутаншир. Как они извиваются, лягаются, кусаются! Предпочитают месть толпы пытке на прутаншире... Какая беда! Какое несчастье! Бедный, бедный город Вельген...

Джут и Шайра прививали черенки к яблоням в дальнем углу сада. Глиннес прибежал и выпалил новости:

– ...А потом старментеров схватили и увели!

⁸ Мах – двигатель, позволяющий быстро преодолевать межзвёздные пространства.

– Я им не завидую, – не отрываясь от работы, ворчливо отозвался Джут. Для триллы отец Глиннеса был человеком до странности сдержанным и молчаливым. С тех пор как мерлинги сожрали Шере, эти черты обострились.

Шайра сказал:

– Прутаншир небось уже подметают. Стоило бы съездить, как ты думаешь?

Джут крикнул:

– Что одна пытка, что другая – тоска, да и только! Разжигают огонь, крутят колёса, тянут канаты. Иные глаз не могут оторвать. А меня хлебом не корми, дай посмотреть хуссейд.

Шайра подмигнул Глиннесу:

– Что одна игра, что другая – нападающие кидаются вперёд, кто-то бултыхается в воду, с шерли срывают хламиду. Подумаешь! Что одна голая задница, что другая – какая разница?

– Кому судить, как не тебе? – заметил Глиннес. Шайра, мнивший себя знаменитым бабником, расхохотался.

В конце концов Шайра так-таки поехал с матерью смотреть на казнь, но, по настоянию Джута, Глиннес и Глэй остались дома.

Шайра и Маруча вернулись паромом поздно вечером. Маруча устала и сразу пошла спать. Шайра тем временем присоединился к Джуту, Глиннесу и Глэю на веранде и рассказал обо всём, что видел:

– Попались тридцать три пирата. Посадили их в клетки на площади. Всё приготовили у них перед глазами. Бывалый народ старментеры, надо признаться, тёртые калачи! Так и не понял, какой они породы. Одни вроде эхалиты, другие – сатагоны, а самый долговязый белокожий тип, по слухам, с Блавега. Не повезло им, что и говорить! Сорвали с них одежду, выстроили гольшом, выкрасили на позор: голова зелёная, одна нога красная, другая – синяя. Всех охолостили, само собой. О, прутаншир – не для слабонервных! А музыка-то, музыка! Сладостная, как цветочный мёд, странная, терпкая. Так и кажется, что смычками прямо по нервам водят... Ну так вот, значит, вскипятили большущий котёл с маслом, подвезли передвижной кран. Треваньи – человек восемь – принялись дудеть и пиликать на рожках и фиделях. Как у банды матёрых стервецов получается такая слезливая музыка? От неё мороз по коже, всё внутри сжимается и во рту чудится привкус крови! Главный констебль Филидиче присутствовал, но казнь руководил старший агент Геренс. Старментеров по одному зацепляли крюками, поднимали и окунали в кипящее масло, а потом растягивали на высоченной дыбе. Не знаю, что страшнее – их вой и рёв на фоне скорбной музыки или сама эта музыка сумасшедшая. Люди опускались на колени, кое у кого случились припадки, другие что-то кричали – от ужаса или от радости, не могу сказать. Не пойму, что и думать... Последний бандит отдал концы примерно через два часа.

– Хмф! – подвёл итог Джут Хульден. – Во всяком случае, теперь старментеров на Труллион силком не затащишь. И то хорошо.

Глиннес слушал брата испуганно, как замороженный:

– Не пойму, зачем такие страшные пытки, что даже старментеров жалко?

– Затем, что страшные, – ответил Джут. – Что тут понимать?

Глиннес с усилием сглотнул, хотел сказать несколько вещей одновременно и ничего не сказал.

Джут поинтересовался:

– Теперь, когда ты знаешь, чем кончают старментеры, тебе захочется стать космическим пиратом?

– Никогда! – с глубоким убеждением объявил Глиннес.

Джут повернулся к Глэю:

– А тебе?

– Я никого не собирался грабить и убивать.

Джут хрипло рассмеялся:

– По меньшей мере один из вас отказался от мечты нажиться грабежом.

– Мне не понравилось бы слушать музыку, когда людей пытаются, – заметил Глиннес.

– А почему нет? – возразил Шайра. – В хуссейде, когда позорят шерль, играют дикую торжественную музыку. Оркестр придаёт церемонии особый вкус, как щепотка соли – куску мяса.

Глэй решил высказаться:

– Акадий считает, что очищение нужно каждому, а кошмар порой приносит очищение.

– Может быть, – отвернулся Джут. – Мне чужие кошмары ни к чему, своего хватает. – Все поняли, о чём он говорил. С тех пор как пропала его малолетняя дочь, Джут охотился на мерлингов как одержимый, почти каждую ночь.

– Ну ладно, старменстерами вы, олухи, быть не желаете. Кем же вы станете? – поддразнивал братьев Шайра. – Допуская, что вас не прельщает перспектива остаться прихлебателями в родном гнезде.

– Буду играть в хуссейд! – заявил Глиннес. – Не хочу рыбачить. Соскребать кауч со скал тоже не хочу. – Он вспомнил отважный бежево-пунцово-чёрный крейсер, сбивший корабль старменстеров. – А то возьму да поступлю на службу в Покров. Их жизнь полна приключений.

– Ничего не знаю про Покров, – многозначительно произнёс Джут, – а насчёт хуссейда могу дать пару полезных советов. Ежедневно бегай по восемь километров, чтобы не выдыхаться на поле. Тренируйся на стадионе – прыгай через купальни, пока не почувствуешь, что не упадёшь в воду, даже если станешь играть с завязанными глазами. И дай покой девчонкам, а то скоро во всей префектуре не найдётся девственницы для нашей команды.

– В последнем отношении имеет смысл рисковать, – заверил его Глиннес.

Глядя на Глэя, Джут нахмурил чёрные брови:

– Ну а ты что будешь делать? Останешься дома?

Глэй пожал плечами:

– Будь моя воля, я странствовал бы с одной планеты на другую.

Мохнатые брови Джута поднялись:

– На космические путешествия нужны деньги. Где ты их возьмёшь?

– По словам Акадия, деньги можно сделать. Он побывал на двадцати двух планетах, зарабатывая в портах на жизнь и на полёты.

– Хмф. Всё может быть. Не бери пример с Акадия, однако. Он ничего не привёз из далёких миров, кроме бесполезной эрудиции.

Глэй задумался.

– Если это так, – сказал он, – а это должно быть так, потому что ты так говоришь – значит, свойственные Акадию умение ладить с людьми и обширный интеллект были приобретены здесь, на Труллионе, что только говорит в его пользу.

Джут, не относившийся к числу неспособных признавать поражение, хлопнул Глэя по спине:

– В тебе он нашёл надёжного поклонника, это уж точно!

– Я благодарен Акадию, – отозвался Глэй. – Он многое мне объяснил.

В голове у Шайры вечно копошились похабные мыслишки. Он лукаво пихнул Глэя локтем:

– Похоже на то, что ночные похождения умудрили Глиннеса не меньше, чем тебя – нравочения Акадия.

– Я говорю не о том.

– А о чём ещё стоит говорить?

– Что я тебе стану рассказывать? Ты без конца издеваешься – я устал от насмешек!

– Никаких насмешек! – пообещал Шайра. – Мы тебя внимательно слушаем. Давай выкладывай!

– Ладно. По сути, мне всё равно, смеются надо мной или нет. Я давно ощущаю пустоту, будто мне чего-то не хватает. Хочу возложить на себя бремя, преодолеть препятствия и одержать победу.

– Красивые слова, – с сомнением поморщился Шайра, – однако...

– Однако зачем лезть на рожон? Затем, что каждому дана только одна жизнь, одно существование. Я хочу оставить след – где-то, как-то. Мой враг – вселенная, само устройство мироздания. Меня лихорадит от одной мысли об этом! Подумай сам: почему природа вещей препятствует тому, чтобы дела моих рук остались в памяти людской? Почему имя – Глэй Хульден – не должно звучать столь же громко и гордо, как Паро или Слабар Вельш?⁹ Оно прозвучит, оно запомнится! Таков мой долг перед самим собой!

Джут мрачно заметил:

– Тогда учись играть в хуссейд лучше всех – или грабить и убивать лучше всех. И в том и в другом случае тебе грозит жёсткая конкуренция.

– Я переборщил, – признался Глэй. – На самом деле я не стремлюсь к известности или славе, мне не нужно ничьё восхищение. Просто хотелось бы сделать всё, что в моих силах.

На веранде наступило молчание. В камышах поскрипывали ночные насекомые, под причалом тихо плеснула вода – наверное, мерлинг высунул голову, прислушиваясь к любопытным звукам.

Джут строго сказал:

– Похвальные стремления. И всё же... Не могу себе представить, во что превратился бы этот мир, если бы каждый добивался своего с такой настойчивостью. Остался бы во всей галактике хоть один спокойный уголок?

– Трудный вопрос! – заявил Глиннес. – Действительно, никогда раньше я не смотрел на вещи с этой стороны. Глэй, ты меня изумляешь! Таких, как ты, больше нет!

Глэй скромно хмыкнул:

– Не будь так уверен. На каждой планете больше чем достаточно людей, отчаянно пытающихся как-то себя проявить, в чём-то себя показать.

– Оттого-то бедовые головы и подаются в старментеры, – предположил Глиннес. – Домашняя жизнь им опостылела, в хуссейд играть они не умеют или не могут, девушки от них отворачиваются – вот они и злобствуют в чёрных звездолётах, мстительно предаваясь разрушению того, чего не смогли сделать сами!

– Приемлемая теория, не хуже любой другой, – кивнул Джут Хульден. – Но, как сегодня обнаружили тридцать три пирата, мстителям тоже мстят.

– Всё-таки я чего-то не понимаю, – мотал головой Глиннес. – Коннатиг не может не знать о грабежах и убийствах. Почему он не обрушит на базы старментеров всю мощь Покрова и не истребит их окончательно?

Шайра покровительственно усмехнулся:

– По-твоему, в Покрове сидят без дела? Корабли непрерывно патрулируют населённые системы. Но на каждую обитаемую планету приходится сотня безжизненных миров, не считая лун, астероидов, комет и прочих старментов. Убежищ бесчисленное множество – никакой космический флот не способен прочесать их все до одного.

Глиннес повернулся к Глэю:

– Ну вот, пожалуйста! Ступай на службу в Покров и странствуй себе с планеты на планету. Тебе ещё и платить за это будут.

⁹ Паро – нападающий, любимец поклонников хуссейда, известный во всём Аласторе смелой, агрессивной манерой игры. Слабар Вельш: знаменитый старментер.

– Я подумаю, – ответил Глэй.

Глава 3

В конечном счёте, именно Глиннес отправился в Порт-Маэль и завербовался в Покров. Ему ещё не исполнилось тогда и восемнадцати лет. Глэй служить не стал, в хуссейд не играл, да и старментером не сделался. Вскоре после отъезда Глиннеса Глэй тоже покинул родителей. Он бродил по Мерланку, порой зарабатывая несколько озолей, а чаще пробавляясь подножным кормом. Несколько раз он пытался прибегнуть к трюкам, рекомендованным Акадием, надеясь побывать на далёких планетах, но по той или иной причине не преуспел и денег, достаточных для оплаты полёта, накопить не смог.

Какое-то время он странствовал с табором треваньев¹⁰ – Глэя развлекало порывистое усердие кочевников, контрастировавшее с типичной для триллей чуть безразличной ленцой.

Восемь лет блужданий привели Глэя обратно на Рэйбендери, где всё было как прежде, хотя Шайра бросил играть в хуссейд. Джут ещё воевал по ночам с мерлингами, а Маруча ещё надеялась получить признание в среде местного благородного сословия, не проявлявшего ни малейшего намерения оправдать её надежды. По настоянию Маручи Джут именовался теперь «сквайром Хульденом Рэйбендерийским», но переезжать в усадьбу на Амбале отказывался. Несмотря на благородные пропорции, величественные залы и полированную деревянную обшивку внутренних стен, Джуту в этом сооружении не хватало широкой веранды с видом на водные просторы.

Семья Хульденов периодически получала весточки от Глиннеса, хорошо показавшего себя на службе. В тренировочном лагере для новобранцев Глиннес получил рекомендацию и поступил в офицерское училище Покрова. По окончании Глиннеса распределили в тактический корпус 191-й эскадры. Там ему поручили командование десантным катером № 191–539 с экипажем из двадцати человек.

Теперь Глиннес мог надеяться на блестящую карьеру и прекрасное пенсионное обеспечение после выхода в отставку. Он не был, однако, вполне удовлетворён. Глиннес полагал, что жизнь в космическом флоте будет полна романтики и приключений, что он станет рыскать в космическом катере по системам Скопления в поисках очередного логова старментеров, время от времени получая несколько дней отпуска и посещая пару экзотических селений на далёкой планете. Увы, он оказался винтиком в безупречно организованной, неукоснительно следующей установленному порядку машине, где не было места благородным порывам и отчаянной отваге. Для того чтобы как-то развлечься, Глиннес стал играть в хуссейд. Его команда всегда занимала одно из первых мест на флотских соревнованиях и даже выиграла два чемпионата.

Наконец Глиннес подал заявление с просьбой о переводе на патрульный корабль. Ему отказали. Он явился к командиру эскадры. Тот выслушал протесты Глиннеса с дружелюбным безразличием:

– Вам отказано по основательной причине.

– По какой именно? – не унимался Глиннес. – Неужели я настолько незаменим, что эскадра без меня развалится?

– Я бы выразился по-другому: любое нарушение налаженного организационного взаимодействия нежелательно. – Командир поправил бумаги на столе и откинулся на спинку кресла. – Между нами: ходят слухи, что мы скоро понюхаем пороха.

– Даже так? И с кем мы будем драться?

– Могу только догадываться. Вы слышали когда-нибудь о тамаршистах?

¹⁰ Треваньи – отдельная раса кочевников, склонная к воровству, колдовству и прочему мелкому жульничеству; легко возбудимые, страстные, мстительные люди. Они считают, что кауч ядовит, и стерегут целомудрие своих женщин с фанатическим рвением.

– Слышал – то есть читал. О них недавно была статья в каком-то журнале: культ воинствующих фанатиков на планете... не помню какой. Они «разрушают во имя разрушения» или что-то в этом роде.

– Что ж, вы знаете не меньше моего, – кивнул командир. – Могу только добавить, что их планета называется Рамнотис и что тамаршисты камня на камне не оставили в целом округе. По-видимому, нас отправят на Рамнотис.

– По меньшей мере теперь я понимаю ваше нежелание менять личный состав, – сказал Глиннес. – Что за планета Рамнотис? Мрачная пустыня?

– Напротив, цветущий сад. – Командир повернулся в кресле, пробежав пальцами по клавишам – большой экран загорелся ослепительно красочным пейзажем. Из-за экрана раздался голос:

– Аластор 965, Рамнотис. Физические характеристики... – Диктор перечислил ряд показателей – значения массы, диаметра и гравитационного ускорения, состав атмосферы и климатические характеристики, в то время как на экране появилась карта континентов в проекции Меркатора. Нажав пару клавиш, командир пропустил краткое изложение истории и антропологические данные, выбрав так называемый неофициальный отчёт:

– На Рамнотисе каждая особенность общественного устройства, каждый культурный аспект, каждое учреждение способствуют процветанию и приятному времяпровождению граждан. Первопоселенцы, прибывшие с Трискелиона, поклялись никогда не допускать безобразных излишеств и оскорбительных лишений, заставивших беженцев покинуть родную планету. С этой целью было заключено торжественное соглашение – так называемый Устав, важнейший документ, вызывающий у рамнотов безусловное почтение и даже преклонение.

Сегодня на Рамнотисе повсеместные болезни цивилизации – розни, разруха, расточительство, строительная лихорадка – практически исчезли из сознания населения. Рамноты добились выдающихся успехов в области управления. Оптимальное стало нормой. Социальные пороки неизвестны, бедность превратилась в устаревшее абстрактное понятие. Каждый гражданин работает десять часов в неделю, посвящая избыток энергии карнавалам и фантазмагориям, привлекающим туристов из дальних миров. Кухня Рамнотиса соперничает с лучшими кулинарными традициями Скопления. Пляжи, леса, озёра и горы предоставляют неисчерпаемые возможности для развлечений и спорта на открытом воздухе. Хуссейд пользуется популярностью как зрелищная игра, хотя местные команды никогда не претендовали на высокое место в чемпионате Аластора.

Командир коснулся ещё одной клавиши. Диктор продолжал:

– В последние годы всеобщее внимание привлёк культ последователей некоего Тамарчо – так называемые тамаршисты. Принципы тамаршистов неясны и, по-видимому, варьируют в зависимости от индивидуальных предпочтений. Тамаршисты предаются бессмысленному разрушению, насилию и осквернению. Они сожгли тысячи акров девственных лесов, загрязняют озёра, резервуары и фонтаны трупами, мусором и нефтью. Известны случаи, когда они отравляли поилки в охотничьих заказниках, начиняли ядом приманки для птиц и домашних животных. Тамаршисты забрасывают экскрементами воскуряющие фимиамы карнавальные шествия, мочатся с высоких башен на церемониальные собрания. Они поклоняются уродству, называя себя и себе подобных соответственно «уродичами».

Командир погасил экран:

– Тамаршисты захватили целый район и отказываются разойтись. Видимо, рамноты обратились к Покрову за помощью. Я ещё ничего не знаю наверняка. Согласится ли коннатиг усмирять горстку хулиганов силами космического флота? С таким же успехом нас могут послать на острова Душегубов разгонять проституток.

Эффективность традиционной стратегии Покрова подтверждалась результатами десятков тысяч кампаний: противника запугивали чудовищной космической армадой, намного превосходившей не только его боевые возможности, но и его воображение. Уверенность в неизбежности позорного разгрома подрывает волю к сопротивлению. В большинстве случаев мятеж испарялся без кровопролития. Для усмирения короля Зага Сумасшедшего на Серой планете (Аластор 1740) Покров развернул над Чёрным Капитолием тысячу дредноутов класса «Тиран», полностью затмивших небо – столица погрузилась в сумерки. Эскадры атомных бомбардировщиков «Ваваранга» и лучевых истребителей «Скорпион» описывали концентрические круги под «Тиранами», а ещё ниже, на нескольких уровнях, сновали, подобно хищной саранче, торпедные катера. На пятый день воздушного парада с небес хлынула двадцатимиллионная армия сверкающих космической бронёй легионеров, окружившая и разоружившая остолбеневшее ополчение короля Зага, давно забывшее и думать о каком-либо сопротивлении.

Ожидалось, что та же тактика сработает в случае тамаршистов. Четыре флота «Тиранов» и «Палачей» слетелись с четырёх сторон и зависли над Серебряными горами, где нашли убежище «уродичи». Разведка донесла с поверхности планеты: тамаршисты на демонстрацию силы не реагируют.

«Тираны» спустились ниже и всю ночь угрожающе шарили с неба сотнями слепящих голубых прожекторных лучей. Наутро тамаршисты покинули стойбища и пропали. По сведениям разведки, они скрылись в лесах.

Над самыми вершинами деревьев парили катера-мониторы – оглушительные громкоговорители приказывали «уродичам» строиться в колонны и маршировать вниз по долине к ближайшему курортному городку. Единственным ответом была разрозненная пальба снайперов-одиночек.

С угрожающей медлительностью «Тираны» начали опускаться к лесу. Катера-мониторы огласили окончательный ультиматум:

– Сдавайтесь, или вас уничтожат! – Тамаршисты молчали.

На горный луг сели шестнадцать летающих крепостей класса «Броненосец» – им предстояло закрепиться на высоте и создать безопасный плацдарм для высадки десанта. По «Броненосцам» открыли огонь не только из стрелкового оружия, но и голубыми вспышками-импульсами лучевой батареи музейного возраста. Не желая истреблять жалкую кучку полоумных маньяков, офицеры приказали пилотам «Броненосцев» взлететь и вернуться в воздушный строй.

В гневе и замешательстве генерал, ответственный за операцию Покрова, решил оцепить Серебряные горы, намереваясь взять «уродичей» измором.

Двадцать две сотни десантных катеров (среди них № 191–539 под командованием Глиннеса Хульдена) спустились на поверхность планеты и отрезали тамаршистов, засевших в горных логовах, от остального мира. Там, где это было целесообразно, десантники осторожно продвигались вверх по долинам вслед за летевшими впереди ракетными катерами, выжигавшими снайперские гнёзда. Число убитых стрелков-тамаршистов росло, но заплатились жизнью и несколько десантников. Так как действия «уродичей» не грозили крупномасштабной катастрофой и в срочной ликвидации противника не было необходимости, главнокомандующий приказал наземным войскам отступить с участков, где снайперы могли вести прицельный огонь.

Осада продолжалась месяц. Разведка сообщала, что у тамаршистов кончились припасы, что они поедают кору, насекомых, листья – всё, что попадётся.

Снова вылетели катера-мониторы – громкоговорители требовали, чтобы осаждённые сложили оружие и вышли из укрытий. В ответ тамаршисты предприняли ряд безуспешных попыток вырваться из окружения и понесли большие потери.

Главнокомандующий опять выслал катера-мониторы, угрожая затопить лес и горные долины боевым газом, если осаждённые не сдадутся в течение шести часов. Установлен

ный срок истёк. «Ваваранги» спустились и стали бомбардировать убежища тамаршистов канистрами с болевым газом. Задыхаясь, катаясь по земле и корчась от боли, тамаршисты выбрались из нор. В места сосредоточения «уродичей» градом посыпались десятки тысяч бойцов отрядов специального назначения. После нескольких коротких перестрелок противник был нейтрализован.

Пленных тамаршистов обоего пола набралось меньше двух тысяч. Глиннеса поразило то, что многие «уродичи» оказались едва ли не детьми и только несколько человек выглядели старше его самого. У изнурённых повстанцев не было ни боеприпасов, ни пищи, ни медикаментов. Они корчили злобные рожи и грызались на солдат Покрова, как дикие звери – в самом деле, более безобразных подонков трудно было себе представить. Что заставило, однако, молодых людей фанатично защищать заведомо пропадающее дело? Зачем они оскверняли и загрязняли, разрушали и портили?

Глиннес пытался расспросить одного из задержанных, но тот притворился, что не понимает общепринятый диалект. Вскоре после этого катеру Глиннеса приказали покинуть планету.

Вернувшись на базу, Глиннес просматривал накопившуюся почту и нашёл письмо Шайры, содержащее трагическую весть. Джут Хульден охотился на мерлингов слишком часто – твари уготовили ему коварную западню. Шайра не успел помочь отцу. Джута утащили под воду с северной оконечности острова.

Новость вызвала у Глиннеса какую-то бесчувственную оторопь. Он никак не мог поверить: в Низинах, на родном острове, где ничто никогда не менялось, всё пошло кувырком?

Шайра стал сквайром Рэйбендерийским. Глиннес пытался вообразить происходящее. Наверное, уклад жизни остался прежним – Шайра не любил новшеств. «Скорее всего, он женится и заведёт детей», – думал Глиннес; рано или поздно этого следовало ожидать. Кто выйдет замуж за тучнеющего, лысеющего Шайру с побагровевшими щеками и бугорчатым носом? Даже в молодости, когда он играл в хуссейд, Шайре не так уж часто удавалось заманить девушку в укромное местечко. Сам он считал себя грубовато-добродушным весельчаком и дамским любезником, но со стороны казался вульгарным и похотливым горлопаном.

Глиннес стал всё чаще вспоминать детство – утреннюю дымку над водой, вечерние пирушки и звездочтения. Перед закрытыми глазами всплывали лица старых друзей, их причуды и проказы. Лучше всего помнился лес на Рэйбендери – нависшие над ржавыми помандерами мены, серебристо-зелёные берёзы, тёмно-зелёные хвойные орехи. Глиннес хотел оказаться на покосившейся веранде и смотреть остановившимся взором на дрожащее сияние речной ряби, смягчающее контуры дальних берегов... Он понял, что его неудержимо тянет домой.

Через два месяца, отслужив полных десять лет, он подал в отставку и вернулся на Труллион.

Глава 4

Глиннес отправил письмо, предупреждавшее о приезде, но, когда он сошёл с трапа в Порт-Маэле, в префектуре Стравеньи, никто из родных его не встретил. Ему это показалось странным.

Погрузив багаж на паром, он занял сиденье на верхней палубе, чтобы любоваться видами. Как беспечно и празднично смотрелись селяне в тёмно-пунцовых, синих и охряных параях! Полувоенная отпускная одежда – чёрная куртка и брюки цвета хаки, заткнутые под отвороты чёрных армейских башмаков, – стесняла и смущала Глиннеса. Он подумал, что ему, вероятно, больше никогда не придётся её носить.

Судно неторопливо причалило к пристани в Вельгене. Глиннес почуял восхитительный аромат – в ларьке неподалёку жарили рыбу. Сойдя на берег, он купил кулёк пареных тростниковых стручков и палку копчёного угря. Глиннес искал глазами Шайру, Глэя или Маручу, хотя почти не ожидал их здесь увидеть. Среди прочих на набережной выделялась группа инопланетных туристов – три молодых человека в чём-то вроде аккуратных серых комбинезонов, туго стянутых ремнями на талии, и в начищенных до блеска чёрных ботинках. Их сопровождали три девушки в длинных робах из грубого белого полотна, довольно унылого покроя. Представители обоих полов коротко стригли волосы, что производило скорее приятное впечатление, и носили небольшие медальоны, закреплённые на левом плече. Когда они проходили мимо, Глиннес пригляделся и понял, что они вовсе не туристы, а нелепо переодетые трилли... Студенты схоластической академии? Сектанты? Можно было предположить и то и другое – серьёзно обсуждая какой-то вопрос, незнакомцы держали в руках книги и калькуляторы. Глиннес снова оценил внешность девушек. Теперь ему казалось, что в них было что-то отталкивающее, хотя он не мог сразу определить, что именно. На Труллионе девушки обычно одевались как попало, не слишком беспокоясь по поводу того, что платье могло где-то помяться, за что-нибудь зацепиться или запачкаться. Причёску они украшали цветами. Студентки же в белых робах выглядели не просто опрятными, но положительно чистюлями. Брезгливость – уже не любовь к чистоте, а боязнь внутренней грязи... Глиннес пожал плечами и вернулся на паром.

Скоро они плыли в самой глубине Низин по протокам, отдававшим чуть сладковатой сыростью стоячей воды, временами – отчётливым запахом гниющих камышей, а иногда и резкой вонью, выдававшей присутствие мерлинга. Впереди показался Рипильский плёс, а за ним беспорядочная россыпь хижин и сараев на берегу – Зауркаш. Здесь Глиннесу предстояло расстаться с паромом, продолжавшим путь на север к прибрежным селениям острова Большая Взятка.

Опустив чемоданы на причал, Глиннес пару минут неподвижно стоял и смотрел на посёлок. Самым выдающимся сооружением в Зауркаше было поле для игры в хуссейд, окружённое рядами старых облупившихся скамей, – когда-то здесь играли и тренировались «Зауркашские змеи». Рядом устроилась приятнейшая из трёх местных таверн, «Заколдованный линь». Глиннес прошёл по причалу к конторе, где десять лет тому назад Майло Харрад сдавал лодки в аренду и за умеренную плату развозил приезжих по домам.

Харрада не было. В теньке прикорнул незнакомый Глиннесу паренёк.

– Добрый день, – позвал Глиннес. – Эй, дружище! – Паренёк проснулся, взглянув на Глиннеса с укоризной. – Отвезёшь меня на Рэйбендери?

– Непременно, сию минуту. – Юнец оглядел приезжего с ног до головы и вскочил: – Глиннес Хульден, если не ошибаюсь?

– Так точно. А тебя я что-то не припомню.

– Откуда вам меня знать? Я племянник старого Харрада, из Вуляша. Меня кличут теперь Харрадом-младшим – так это прозвище ко мне и пристанет, наверное, до гробовой доски. Помню, вы играли за «Змеев».

– Было такое дело, много воды утекло. У тебя неплохая память.

– Всех не упомнишь. Но Хульдены часто выходили на поле. Старый Харрад нахваливал Джута. Говорил, Джут – лучший полузащитник из всех, какие были в Зауркаше. Любил хуссейд старый хрыч Майло! Шайра был надёжным защитником, спору нет, но прыгал неуверенно. Никогда не видел, чтобы он перескочил купальню на трапедии, спрыгнув точно, куда хотел.

– Можно сказать и так. – Глиннес прищурился, глядя на блестящую рябь пустынного плёса. – Я думал, он меня встретит. Или Глэй. Похоже, у них есть дела поважнее.

Харрад-младший искоса бросил быстрый взгляд на Глиннеса, пожал плечами и подтянул к причалу один из свежевыкрашенных яликов, зелёных с белой полосой. Глиннес опустил чемоданы в лодку, и они отправились на восток по Медуничной протоке.

Харрад-младший прокашлялся:

– Вы ожидали, что Шайра вас встретит?

– Да вот не встретил, получается.

– Так вы ничего не слышали?

– Что случилось?

– Шайра пропал.

– Пропал? – Глиннес с недоумением посмотрел вокруг себя. – Где?

– Никто не знает. Скорее всего, мерлинги неплохо пообедали. В Низинах, когда человек исчезает, без мерлингов дело не обходится.

– Если он не уходит повидаться со старыми друзьями¹¹.

– На два месяца? Говорили, Шайра мог обслужить трёх нимфоманок за ночь, но продержаться на кауче два месяца – тут вы меня извините!

Глиннес мрачно кивнул и отвернулся, у него пропало всякое желание болтать. Джут погиб, Шайра исчез – возвращение обещало быть безрадостным. Родные места, всё ближе к дому, всё отчётливее населённые памятью, лишь обостряли бессильное ощущение потери. С обеих сторон проплывали знакомые берега. Вот остров Джурзи, где тренировались «Джурзийские молнии», его первая команда. Вот остров Кальцеон, где грациозная Лоэль Иссам так и не уступила его пылким заверениям в любви. Впоследствии она стала шерлью «Гаспарских триптонов» и в конце концов, уже после того, как её опозорили, вышла за лорда Клуаса из Резностолья в северных истоках Низин... Воспоминания переполняли Глиннеса – он удивлялся тому, что когда-то решил покинуть Низины. Десять лет, проведённые на службе, казались смутным сном.

Ялик vyplыл на Приморский плёс. К югу в полутора километрах виднелся Ближний остров, за ним Средний, чуть шире и выше Ближнего, а ещё южнее – Дальний, самый широкий и самый высокий из трёх. Три силуэта в различной степени затуманивались парящей дымкой – Дальний остров уже почти сливался с небом над горизонтом.

Лодка скользнула в узкую протоку Афинри, где кроны молчегодных деревьев образовывали протяжённую арку над тёмной стоячей водой. Здесь отчётливо ощущался запах мерлингов. Харрад и Глиннес оба насторожились, внимательно наблюдая за редкими всплесками воды. По каким-то причинам, известным им одним, мерлинги любили собираться в протоке Афинри – возможно, их привлекали ядовитые для людей ягоды. Кроме того, мерлинги грызли воздушные корни молчегодников. Прохладная водная гладь почти не возмущалась – даже если мерлинги и были тут, они таились в норах под берегами.

¹¹ «Повидаться со старыми друзьями» – эвфемизм, намекающий на поведение помешавшихся от кауча парочек, часто удаляющихся в дикие места, чтобы никому не попадаться на глаза.

Лодка вынырнула из полутьмы на солнечный Флехарийский плёс. Южнее, на Пяти островах, содержал древнюю усадьбу Таммас, лорд Дженсифер. Высоко вздымаясь над плёсом, на подводных крыльях в стороне мчалась небольшая парусная яхта. За рулём сидел лорд Дженсифер собственной персоной – круглолицый здоровяк лет на десять старше Глиннеса, дюжий в плечах и в груди, но, пожалуй, тонконогий. Ловко повернув на другой галс, аристократ заставил яхту описать пенистую дугу и плыть параллельно ялику Харрада, после чего подобрал парус. Потеряв скорость, яхта опустилась днищем в воду.

– А! Никак, молодой Глиннес Хульден вернулся со звёзд! – кричал Дженсифер. – Добро пожаловать в Низины!

Глиннес и Харрад оба поднялись на ноги и отдали честь, что подобало делать при встрече на воде с людьми высокого звания.

– Благодарю вас! – отозвался Глиннес. – Рад вернуться, очень рад.

– Конечно, где ещё найдёшь такие места! Какие у тебя планы насчёт старого имения?

Глиннес был озадачен:

– Планы? У меня нет никаких особенных планов... По-вашему, должны быть?

– На твоём месте я бы призадумался. Ты же у нас теперь сквайр Рэйбендерийский!

Глиннес прищурился, глядя на сверкающий водный простор в сторону родного острова:

– Надо полагать, так оно и есть, если Шайра действительно погиб. Я родился на час раньше Глэя.

– И правильно сделал, позволь тебе заметить! Да, гм... Сам увидишь, что тут говорить. – Дженсифер принялся расправлять парус. – Как насчёт хуссейда? Будешь играть за новый клуб? Нашей команде пригодился бы Хульден.

– Ещё ничего не знаю, лорд Дженсифер. События сбивают с толку, не могу пока ничего сказать.

– Конечно, конечно, всё в своё время. – Дженсифер опустил и натянул парус. Яхта рванулась вперёд, вздыбившись на подводных крыльях, и резво понеслась по Флехарийскому плёсу.

– Вот забава так забава! – завистливо произнёс Харрад-младший. – Эту штуковину ему доставили с планеты Иллюканте межзвёздным экспрессом. Представляете, сколько она стоила?

– Не опрокинулась бы, – с сомнением покачал головой Глиннес. – Рискованное это дело, плавать в одиночку наперегонки с мерлингами!

– Лорд Дженсифер любит показать, что не боится ни бога, ни дьявола, – усмехнулся Харрад. – На самом деле, говорят, яхта вполне безопасна. Прежде всего, она не тонет, даже если опрокинется. Он всегда может взобраться на днище и переждать, пока кто-нибудь его не подберёт.

Они пересекли Флехарийский плёс и свернули в Ильфийскую протоку. По левую сторону тянулся общинный выгон префектуры – большой остров площадью не меньше пятисот акров, отведённый для случайных бродяг, треваньев, вриев и «ушедших повидаться с друзьями» любовников. Ялик уже рассекал носом Амбальский плёс – впереди появились до боли знакомые очертания Рэйбендери. Наконец-то он дома! Глиннес сморгнул наворачившуюся на глаза слезу: печальное возвращение, спору нет. Остров Амбаль смотрелся в воду, как тщеславная красавица. Взглянув на старую усадьбу, Глиннес заметил дрожание воздуха над дымовыми трубами. Ему в голову пришла ошеломляющая мысль, объяснявшая кратковременное смущение лорда Дженсифера. Неужели Глэй переехал в усадьбу? С точки зрения лорда, такое решение выглядело бы смехотворной претензией – выскочка-простолоудин норвил подражать высшему свету!

Ялик приткнулся к причалу Рэйбендери. Выгрузив чемоданы и заплатив Харраду-младшему, Глиннес сердито смотрел на старый дом. Почему веранда не только покосилась, но и рассохлась? Почему сорняки так буйно разрослись? Само собой, любой трилль только приветствовал приятную привычную изношенность и потёртость вещей и построек – в определённых

пределах. Убогое состояние дома явно выходило за эти пределы. Пока Глиннес поднимался на веранду, ступени стонали и гнулись под его весом.

Что-то яркое привлекло его внимание на дальнем краю луга, у самого Рэйбендерийского леса. Глиннес прищурился, присмотрелся. Три палатки – красная, чёрная, тёмно-оранжевая. Шатры треваньев. Глиннес покачал головой с гневным неодобрением: он вовремя вернулся.

– Эй, кто дома? Есть кто-нибудь? – позвал Глиннес.

В дверном проёме появилась высокая фигура его матери. Маруча взглянула на сына с изумлением, подбежала на несколько шагов:

– Глиннес! Как странно, что ты здесь!

Глиннес обнял и поцеловал её, игнорируя подспудный смысл её приветствия.

– Ну да, я вернулся. Мне тоже всё кажется странным. Где Глэй?

– У кого-то из товарищей. Смотри-ка, ты выглядишь просто молодцом! Возмужал, подтянулся!

– А ты у нас ничуть не изменилась – всё такая же красавица.

– Ох, Глиннес, брось, похвалы меня не красят. В душе я дряхлая, как древние холмы, да и выгляжу, наверное, не лучше... Ты, конечно, слышал печальную новость?

– Шайра? О да. Меня это подавляет чрезвычайно. Кто-нибудь знает, что произошло?

– Ничего не известно, – почему-то строго, даже чопорно произнесла Маруча. – Ну садись, Глиннес, сними свои чудесные ботинки, дай отдохнуть ногам. Хочешь яблочного вина?

– Не откажусь. Перекусить чем-нибудь тоже не мешало бы, я здорово проголодался.

Маруча подала вино, хлеб, мясной холодец, фрукты и морской паштет. Пока Глиннес ел, она сидела и смотрела на него.

– Я так рада тебя видеть. Что ты собираешься делать?

В словах матери Глиннесу почудилась едва уловимая холодность. Что ж, Маруча всегда сторонилась бурных проявлений чувств.

Он ответил:

– У меня нет никаких планов. Только что услышал о пропаже Шайры от Харрада-младшего. Значит, он так и не женился?

Маруча неодобрительно поджала губы:

– Никак не мог собраться с духом... Само собой, у него были подруги, то одна, то другая.

Снова Глиннесу показалось, что он слышит нечто недосказанное, будто мать пыталась отвлечь внимание от какой-то тайны. Он начинал ощущать внутренние уколы возмущения, но осторожно подавил их. Новую жизнь не следовало начинать с пререканий. Маруча спросила весело, чуть дрожащим тоном:

– Где же твоя форма? Я так надеялась увидеть тебя во всей красе, капитаном Покрова!

– Я вышел в отставку. Решил вернуться домой.

– О! – Явно огорчённая, Маруча продолжала упавшим голосом: – Мы, несомненно, рады твоему возвращению, но ты уверен, что оставить карьеру – правильное решение?

– Я уже её оставил. – Несмотря на сознательное решение сдерживаться, Глиннес начинал не на шутку раздражаться. – Здесь я нужен гораздо больше, чем в Покрове. Старый дом разваливается. Почему Глэй ничего с этим не делает?

– Он был очень занят... ну, своими делами. Теперь он в своём роде довольно важная персона.

– Это не помешало бы ему починить ступени. Они вот-вот сломаются... И ещё – я видел дым над Амбальской усадьбой. Глэй там живёт?

– Нет. Мы продали Амбальский остров – одному из знакомых Глэя.

Поражённый, Глиннес чуть не подавился.

– Вы продали Амбаль? Какого чёрта... – Он собрался с мыслями: – Шайра продал Амбальский остров?

– Нет, – холодно ответила Маруча. – Мы с Глэем решили его уступить.

– Но... – Глиннес снова запнулся, тщательно выбирая выражения. – Ни в коем случае я не хотел бы расставаться ни с Амбальским островом, ни с каким-либо другим участком нашей земли.

– Боюсь, продажа уже состоялась. Мы думали, что ты станешь делать карьеру в Покрове и не вернёшься. Разумеется, мы учли бы твои пожелания, если бы мы о них знали.

Глиннес вежливо настаивал:

– Я со всей определённой уверенностью считаю, что нам следует аннулировать договор¹². Уступать Амбаль было бы исключительно невыгодно.

– Но, Глиннес, дорогой мой, мы его уже отдали.

– Достаточно вернуть деньги. Где они?

– Об этом придётся спросить Глэя.

Глиннес вспомнил сардоническое лицо Глэя, каким он его видел десять лет тому назад. Глэй всегда отстранялся от домашних забот. Глэю совершенно не подобало распоряжаться владениями семьи – более того, такое положение дел оскорбляло память о Джуте, любовно ухаживавшем за каждой пядью своей земли.

Глиннес спросил:

– Сколько вы получили за Амбаль?

– Двенадцать тысяч озолей.

Голос Глиннеса сорвался от удивления и гнева:

– Вы отдали его даром? Такой красивый остров, с большой усадьбой в превосходном состоянии! Вы с ума сошли!

Чёрные глаза Маручи сверкнули:

– На твоём месте я не стала бы жаловаться. Тебя здесь не было, когда твоя помощь была нужна, а теперь придираешься поздно и ни к чему.

– Придираешься действительно ни к чему – я намерен расторгнуть договор! Если Шайра мёртв, значит, я – сквайр Рэйбендерийский и никто, кроме меня, не имеет права продавать нашу землю.

– Но мы не знаем наверняка, что Шайра умер, – заметила Маруча тоном заботливой матери, уговаривающей несмышлёное дитя. – Он мог уйти повидаться со старыми друзьями.

Глиннес вежливо поинтересовался:

– Тебе эти друзья известны?

Маруча презрительно повела плечами:

– Нет, конечно. Но ты же помнишь Шайру. Он всегда был шалопаем.

– Прошло два месяца. Шайра заглянул бы домой хотя бы разок, ты его тоже помнишь.

– Нет-нет, мы надеемся, что он жив! На самом деле по закону он не считается пропавшим без вести, пока не прошло четыре года.

– К тому времени договор уже нельзя будет отменить! Зачем расставаться с чудесным островом, с нашим островом?

– Нам нужны были деньги. Разве это не достаточная причина?

– Вам нужны были деньги – на что?

– Этот вопрос нужно задавать не мне, а Глэю.

– Я так и сделаю. Где он?

– Не знаю, правда не знаю. Наверное, скоро вернётся.

– Ещё одно: с каких пор треваньи ставят палатки у нас на опушке леса?

¹² По труллионским законам договор о продаже земли считается предварительным в течение одного года. Таким образом охраняются интересы обеих сторон.

Маруча кивнула. Она уже прекратила всякие попытки изображать дружелюбие и гостеприимство:

– Пожалуйста, не нужно ни в чём обвинять ни меня, ни Глэя. Шайра разрешил им остаться на острове, они не причиняют вреда.

– До поры до времени. Помнишь, что случилось, когда мы в последний раз пустили треваньев? Пропали все ножи из кухни.

– Дроссеты – совсем другие люди, – возразила Маруча. – По сравнению с остальными треваньями они производят впечатление порядочной семьи. Не сомневаюсь, что они умеют держать своё слово настолько, насколько это им необходимо.

Глиннес развёл руками:

– Пререкаться бесполезно. Скажу только одно – насчёт Амбалья. Шайра, конечно же, никогда не согласился бы продать остров. Значит, если он жив, вы действовали без его разрешения. Если же он мёртв, вы отдали остров без моего разрешения. В связи с чем я настаиваю: договор должен быть аннулирован.

Маруча неприязненно пожала красивыми белыми плечами:

– Обращайся с претензиями к Глэю. Мне всё это изрядно надоело.

– Кто купил остров Амбаль?

– Некий Лют Касагейв. Скромный, воспитанный человек. Кажется, с другой планеты – для трилля у него слишком утончённые манеры.

Глиннес закончил трапезу и подтащил к себе чемодан:

– Я привёз несколько безделушек. – Он передал матери коробку – та ничего не сказала, но коробку взяла. – Открой! – посоветовал Глиннес. – Это тебе.

Маруча сорвала этикетку и вынула из упаковки отрез пурпурной ткани с вышивкой из зелёных, серебряных и золотых нитей, изображавшей фантастических птиц.

– Какая прелесть! – ахнула она. – Ну что ты, Глиннес! Просто невероятно!

– Это не всё, – сказал Глиннес, вынимая другие коробки. Маруча открывала их, замирая от восторга. В отличие от большинства триллей, она обожала роскошные вещи.

– Смотри, это звёздные кристаллы, – пояснял Глиннес. – Другого названия у них нет. Их находят уже будто гранёными в пыли погасших звёзд. Звёздные кристаллы невозможно поцарапать даже алмазом. У них любопытные оптические свойства.

– Ой, какие тяжёлые!

– А вот древняя ваза – никто не знает, сколько ей лет. Говорят, на доньшке – эрдическая надпись.

– Восхитительная вещица!

– Ну, а эту штуку я купил просто потому, что она меня развеселила. Ничего особенного – щелкунчик в виде юртындского щетинуса. По правде говоря, он валялся в лавке старьёвщика.

– Хитроумное устройство! Ты говоришь, им щёлкают орехи?

– Да. Орех кладут между челюстями и нажимают на хвост... Ножи я купил для Глэя и Шайры – они выкованы из протеума. Лезвия – полимерные цепочки молекул металла шириной в один атом. Протеум не ломается, не гнётся и не ржавеет. Таким ножом можно рубить сталь, и он не затупится.

– Глэй будет чрезвычайно благодарен, – обронила Маруча несколько почерстанным тоном. – Шайре тоже будет приятно.

Глиннес скептически хмыкнул, чего Маруча демонстративно не заметила.

– Замечательные подарки, это очень заботливо с твоей стороны. – Обернувшись к открытой двери, Маруча взглянула на причал под верандой. – А вот и Глэй!

Глиннес вышел на веранду. Глэй, поднимавшийся по тропе с причала, остановился, хотя ничем не показал, что удивлён, после чего продолжил подъём уже медленнее. Глиннес спустился навстречу по ступеням, и каждый из братьев хлопнул другого по плечу.

Глиннес не преминул заметить, что Глэй был не в традиционном паре, а в серых брюках и чёрном пиджаке.

– Добро пожаловать! – сказал Глэй. – Я встретил Харрада-младшего, он меня предупредил о твоём приезде.

– Я рад, что вернулся, – заверил его Глиннес. – Вдвоём с матерью тебе, наверное, было скучно. Теперь я здесь – надеюсь, в доме всё снова будет по-прежнему.

Глэй ограничился ничего не значащим кивком:

– М-да. В последнее время наступило затишье. Несомненно, близятся перемены – надеюсь, к лучшему.

Глиннес не был уверен, что правильно понимает брата.

– Нам нужно о многом поговорить. Но прежде всего дай на тебя посмотреть. Надо же! Ты повзрослел, выглядишь умудрённым и – как бы выразиться поточнее – хладнокровным.

Глэй рассмеялся:

– Вспоминая былые дни, я вижу, что слишком долго ломал голову, пытаюсь разгадать неразрешимые парадоксы. Всё это позади. Я, так сказать, разрубил гордиев узел.

– Каким же образом?

Глэй пренебрежительно махнул рукой:

– Это слишком сложные материи, чтобы сейчас ими заниматься... Ты тоже неплохо выглядишь. Служба тебе пошла на пользу. Когда кончается отпуск?

– Никогда. Я ушёл из Покрова. Баста! Теперь мне придётся, как видно, играть роль сквайра Рэйбендерийского.

– Вот как, – бесцветно произнёс Глэй. – Ну да, ты меня на час опередил.

– Заходи! – пригласил Глиннес. – Я привёз тебе подарок. И кое-что для Шайры. Ты думаешь, он погиб?

Глэй мрачно кивнул:

– Другого объяснения не вижу.

– Я тоже так думаю. Мама считает, что он «ушёл повидаться со старыми друзьями».

– На два месяца? Нет, надеяться тут не на что.

Братья зашли в дом. Глиннес передал Глэю нож, купленный на выставке достижений технических лабораторий в Бореале на планете Мараньян.

– Будь осторожен с лезвием. К нему нельзя прикоснуться, не порезавшись. Этот нож режет стальные прутья и не тупится.

Глэй с опаской взял увесистый нож и прищурился, пытаясь разглядеть почти невидимое лезвие.

– Страшная вещь.

– Да, не игрушка. Даже странно. Ну а второй я возьму себе, раз Шайре он уже не пригодится.

Маруча отозвалась с другого конца комнаты:

– Мы не уверены в том, что Шайра погиб.

Ни Глэй, ни Глиннес не ответили. Глэй положил нож на закопчённую каминную полку из морёного кебана. Глиннес сел:

– Лучше всего сразу объясниться по поводу Амбальского острова.

Глэй прислонился к стене, изучающе глядя на брата мрачными глазами:

– Тут не о чем говорить. Так или иначе, я продал остров Люту Касагейву.

– Что было не только большой ошибкой, но и незаконно. Я собираюсь расторгнуть договор.

– Даже так? И как ты это сделаешь?

– Очень просто. Мы вернём покупателю деньги и попросим его съехать.

– Всё очень просто – если у тебя есть двенадцать тысяч озолей.

– У меня их нет – они у тебя.

Глэй медленно покачал головой:

– Они у меня были. Их больше нет.

– Куда делись деньги?

– Я их отдал.

– Кому?

– Человеку по имени Джуниус Фарфан. Я передал ему деньги, он их взял. Я не могу забрать их обратно.

– Думаю, нам следует поехать и встретиться с господином Фарфаном сию же минуту.

Глэй снова покачал головой:

– Не жалей о деньгах. Ты получил свою долю – ты сквайр Рэйбендерийский. Я распорядился моей долей, Амбальским островом – так, как считал нужным.

– Ни о каком дележе нет речи! – взвился Глиннес. – Рэйбендери принадлежит нам обоим. Здесь наш дом, здесь мы родились и выросли.

– Для такой точки зрения, несомненно, есть веские основания, – ответил Глэй. – Я предпочитаю смотреть на вещи по-другому. Как я уже сказал, наступают большие перемены.

Глиннес откинулся на спинку кресла, неспособный найти слова, чтобы выразить возмущение.

– Оставь всё как есть, – устало произнёс Глэй. – Мне достался Амбаль, тебе – Рэйбендери. В конце концов, это справедливо. Теперь я уеду – можешь радоваться своим владениям сколько угодно.

Глиннес хотел яростно возразить, но слова застревают в горле. Ему удалось выдать:

– Делай что хочешь. Надеюсь, ты передумаешь.

Глэй ответил загадочной улыбкой, что, по мнению Глиннеса, означало неспособность найти ответ.

– Ещё один момент, – вспомнил Глиннес. – Как насчёт треваньев на нашем лугу?

– Это Дроссеты – я с ними странствовал. Ты возражаешь?

– Они твои друзья, не мои. Если ты настаиваешь на переезде, почему бы тебе не взять их с собой?

– Я ещё не знаю, куда податься, – сказал Глэй. – Они тебе не нравятся? Пойди и скажи им, чтобы уехали. Ты у нас сквайр, тебе и распорядиться.

Вмешалась сидевшая в кресле поодаль Маруча:

– Он еще не сквайр, пока неизвестно, что случилось с Шайрой!

– Шайра умер, – откликнулся Глэй.

– И всё равно Глиннес не имеет права возвращаться домой и сразу же создавать трудности. Помяни мое слово, он такой же упрямец, как Шайра, и такой же невежа, как его отец.

Глиннес возразил:

– Я не создавал никаких трудностей. Трудности создали вы. Теперь придётся где-то доставать двенадцать тысяч озолей, чтобы сохранить Амбаль, и выдворять банду треваньев, пока они не позвали в гости весь табор. Мне ещё повезло, что вы не пустили на ветер старый дом прежде, чем я вернулся.

Глэй с каменным лицом налил себе кружку яблочного вина. Всем своим видом он показывал, что скучная перепалка ему надоела... Со стороны луга донёсся громкий стонущий треск, завершившийся оглушительным шумом и сотрясением почвы. Глиннес подбежал к концу веранды, чтобы посмотреть, в чём дело. Он обернулся к Глэю:

– Полюбуйся – твои приятели срубили старейший из наших барханных орехов!

– Из твоих барханных орехов, – подчеркнул Глэй, слегка улыбувшись.

– И ты не потребуешь, чтобы они убрались?

– Меня они не послушают. Я им обязан за кое-какие услуги.

– У них есть человеческие имена?

– Гетмана зовут Ванг Дроссет. Его женщина – Тинго. Сыновья – Ашмор и Харвинг. Дочь – Дюиссана. А старуху зовут Иммифальда.

Нагнувшись к чемодану, Глиннес вынул пистолет и опустил его в карман. Глэй наблюдал за происходящим, сардонически опустив уголки губ, потом что-то пробормотал Маруче на ухо.

Глиннес решительно направился по лугу к опушке леса. Приятно-бледный послеполюденный свет, казалось, делал ближние цвета яснее и ярче, наполняя дали переливчатым сиянием. В груди Глиннеса теснились не находившие выхода чувства: скорбь, сожаление о старом добром времени и, несмотря на попытки подавить её, жгучая обида на Глэя.

Он приблизился к стоянке треваньев. Шесть пар внимательных глаз следили за каждым его шагом, оценивая каждую деталь его внешности. На площадке перед палатками было не слишком чисто, хотя, с другой стороны, и не слишком грязно – Глиннесу приходилось видеть более нечистоплотных дикарей. Горели два костра. Над одним подросток поворачивал вертел с плотно нанизанными пухлыми цыплятами. Из котла над другим костром несло удушающе едким травяным суслон – Дроссеты варили кочевническое пиво, от частого употребления которого белки их глаз со временем приобретали поразительный золотисто-жёлтый оттенок. Лицо перемешивавшей варево женщины, огрубевшее от солнца и суровое, сохранило черты лукавой проницательности. Яркие-красные крашенные волосы спускались ей на спину двумя тяжёлыми косами. Глиннес прошёл чуть дальше, чтобы не дышать зловонными парами.

От поваленного дерева навстречу шёл пожилой человек, только что собиравший с ветвей барханные орехи. За ним тяжеломерно переваливались два нескладных молодца. На всех троих были чёрные штаны, заткнутые в складчатые чёрные сапоги, бежевые шёлковые рубахи навыпуск и цветастые головные повязки: типичный наряд треваньев. Помимо повязки, Ванг Дроссет носил плоскую чёрную шляпу – из-под неё выбивались буйные кудри цвета жжёного сахара. Кожа его напоминала оттенком пережаренное печенье, а глаза блестели жёлтым огнем, будто подсвеченные изнутри. В целом он производил внушительное впечатление. «С этим шутки плохи», – подумал Глиннес. Вслух он сказал:

– Ванг Дроссет? Я – Глиннес Хульден, владелец острова Рэйбендери. Должен попросить вас переехать в другое место.

Ванг Дроссет подал знак сыновьям – те живо принесли пару плетёных кресел.

– Садитесь, освежитесь, – пригласил гетман. – Обсудим наш отъезд.

Покачивая головой, Глиннес улыбнулся:

– Я постою.

Если бы он сел и выпил с ними чаю, тем самым он наложил бы на себя обязательство, и треваньи могли бы потребовать чего-нибудь взамен. Взглянув на подростка, занимавшегося вертелом за спиной Ванга, Глиннес сообразил, что это не мальчик, как сначала показалось, а гибкая, хорошо сложенная девушка лет семнадцати-восемнадцати. Гетман отдал односложный приказ через плечо – девушка поднялась на ноги и скрылась в тёмно-красной палатке. Заходя внутрь, она обернулась и бросила быстрый взгляд на Глиннеса, заметившего приятное, даже красивое лицо с естественно-золотистыми глазами и золотисто-рыжие кудри, довольно коротко подстриженные, но закрывавшие уши и спускавшиеся к шее.

Ванг Дроссет ухмыльнулся, обнажив белоснежные зубы:

– По поводу переезда, значит. Помилосердствуйте, позвольте остаться. Мы не мешаем.

– Сомневаюсь. Треваньи – неудобные соседи. Дичь исчезает из леса, пропадают и другие вещи.

– Мы ничего не крали, – тихо сказал гетман.

– Вы только что срубили старое дерево – только для того, чтобы легче было собирать орехи.

– В лесу полно деревьев. Дрова-то нужны? Велика потеря – дерево!

– Вы так считаете? А знаете ли вы, что именно на это дерево я любил залезать в детстве? Смотрите! На стволе вырезан мой герб. В развилке ветвей я построил воздушный замок и проводил в нём целые ночи, засыпая под звёздами. Я помню это дерево, оно мне дорого!

Ванг Дроссет деликатно поморщился – мужчина, сожалеющий о дереве, вызывал у него отвращение. Сыновья его прыснули, не сдерживая презрения, отвернулись и стали метать ножи в мишень.

Глиннес продолжал:

– Дрова? В лесу много валежника и сухостоя. Дрова можно было принести.

– Далеко ходить, спина болит.

Глиннес указал на вертел:

– Вы жарите птенцов! Ни у одной из этих птиц не было выводка. Мы охотимся только на трёхлеток – но трёхлеток-то вы уже всех переловили и съели, двухлеток тоже, видать, истребили, а теперь, когда вы сожрёте годовалых курочек, птицы больше не останется. А здесь, на блюде? Земляные груши. Вырвали клубни с корнями, уничтожили будущий урожай! И вы говорите, что никому не мешаете? Вы изнасиловали землю, после вас она и через десять лет не восстановится! Снимайте палатки, грузите свой хлам в фургоны¹³ и проваливайте!

Ванг произнёс тише прежнего:

– Негоже так говорить, сквайр Хульден.

– А как ещё потребовать, чтобы вы перестали разорять землю, вам не принадлежащую? – спросил Глиннес. – Невозможно выразиться вежливее и понятнее. Уезжайте.

Зашипев от досады, Ванг Дроссет порывисто отвернулся и смотрел, подбоченившись, на широкий луг. Ашмор и Харвинг теперь забавлялись поразительным упражнением, какого Глиннес, бывавший в таборах треваньев, ещё не видел. Они стояли примерно в двадцати шагах один от другого и по очереди метали ножи друг другу в голову. Тот, к кому летел брошенный нож, каким-то невероятным образом успевал одним движением запустить своё лезвие, поймать подлетающее и тут же отправить его обратно.

– С треваньями полезно дружить, а ссориться вредно, – обращаясь к лугу, вкрадчиво заметил гетман.

Глиннес отозвался:

– Вы, наверное, слышали поговорку: трилль и тревань – два сапога пара, но только к востоку от Занзамара?¹⁴

Ванг пожаловался с притворной почтительностью:

– Мы вовсе не такие вредители, как сказывают! С нами и жизнь на острове будет приятнее! Как вы с друзьями изволите повеселиться, мы тут как тут, на скрипках и рожках сыграем, танец с ножами спляшем... – Гетман щёлкнул пальцами, и два его сына принялись прыгать и вертеться, описывая ножами сверкающие дуги.

Случайно – в шутку или преднамеренно – в голову Глиннеса с убийственной точностью полетел нож. Ванг Дроссет что-то каркнул, то ли предупреждая, то ли злорадствуя. Глиннес ожидал подвоха, чего-нибудь в этом роде. Он вовремя нагнулся – нож вонзился в мишень за его спиной. Глиннес выхватил пистолет, выплюнувший струю голубой плазмы. Конец вертела испарился, птицы упали на пылающие угли.

Из палатки вихрем выскочила девчонка Дюиссана с широко раскрытыми глазами, гневно сверкавшими, как сполохи плазмы. Схватившись за вертел, она обожгла руку, но тут же подобрала палку и выкатила горящих цыплят из костра на влажную землю, при этом непрерывно ругаясь и осыпая проклятиями виновника:

¹³ Фургоны треваньев – тяжёлые лодки с колёсами, позволяющие передвигаться и по суше, и по воде.

¹⁴ Занзамар – городок на крайней восточной оконечности мыса Восходящего Солнца.

– Подлый ты уруш¹⁵, спалил-таки обед! Чтоб у тебя борода на языке выросла! Сам небось набил кишки – чтоб тебе, обжоре, брюхо желчным духом вспучило! Давай вали отсюда, пока порчу не напустила, фаншер ходульный! Всё мы про вас знаем, не бойся! Спагин¹⁶ проклятый, хуже брата своего, похабника дохлого, – а таких, как он, курошупов, в аду с огнём не сыщешь...

Гетман поднял сжатую в кулак руку. Девчонка замолчала и принялась с ожесточением чистить то, что осталось от цыплят. Ванг Дроссет повернулся к Глиннесу с жестокой усмешкой:

– Нехорошо, сквайр, нехорошо! Вас трюки с ножами не забавляют?

– Предпочитаю другие развлечения, – ответил Глиннес, вынимая нож из протеума. Выдернув финку кочевников из мишени, он отрубил стальное лезвие от рукоятки небрежным движением кисти, как кусок сыра. Дроссет напряглись, внимательно следя за Глиннесом, но тот вложил диковинное оружие в ножны.

– Общинный выгон – в двух километрах по Ильфийской протоке, – сказал Глиннес. – Ставьте там свои палатки, никто не будет возражать.

– Мы с того выгона только переехали! – рассвирепела Дюиссана. – Спагин Шайра нас сюда позвал, чего тебе ещё надо?

Глиннес не мог найти объяснения щедрости Шайры:

– Я думал, вы – приятели Глэя, ведь это с вами он кочевал?

Гетман снова подал знак. Повернувшись на каблуках, Дюиссана отнесла цыплят к столу.

– Завтра мы уйдём своим путём, – заунывно-зловеще провозгласил Ванг Дроссет. – На нас лежит проклятие забвенны¹⁷.

Ашмор сплюнул в грязь:

– А на нём – проклятие фаншерады. Смотри-ка ты, он слишком хорош для таких, как мы!

– Тем лучше для нас, – еле слышно откликнулся Харвинг.

Фаншерада? Слово ничего не значило для Глиннеса, но он не собирался просить разъяснений у Дроссетов. Коротко попрощавшись, он направился домой по широкому лугу. Его провожали шесть пар ненавидящих золотистых глаз. Отойдя достаточно далеко, чтобы в него нельзя было попасть ножом, Глиннес почувствовал облегчение.

¹⁵ Уруш – презрительная кличка триллей в диалекте треваньев.

¹⁶ Спаг – состояние течки. Соответственно, «спагин» – человек, находящийся в этом состоянии.

¹⁷ Забвенна (на жаргоне треваньев) – настойчивое желание покинуть ставшую привычной обстановку, чувство гораздо более острое и мучительное, чем простая «охота к перемене мест».

Глава 5

Авнесс – так называют в Низинах светло-бледный предрассветный час, печальный и тихий, когда все цвета мира словно растворяются и в пейзаже не остаётся никакой глубины, кроме намёка на перспективу в тускнеющих с расстоянием задних планах расплывчатых далей. Утро – авнесс и рассвет – не согласуется с темпераментом триллерей, не склонных к меланхолической мечтательности.

Глиннес вернулся в опустевший дом – и Глэй, и Маруча уехали. Его охватила мрачная подавленность. Выйдя на веранду и глядя на палатки Дроссетов, он почти поддался вздорному желанию пригласить их на прощальный ужин. В частности, его заинтересовала Дюиссана – бесспорно, обворожительное создание, несмотря на отвратительный нрав и прочее. Глиннес представил себе Дюиссану в благосклонном расположении духа... Ее присутствие оживило бы любую обстановку... Абсурдная мысль! Одно подозрение побудило бы Ванга Дроссета вырвать заживо сердце соблазителя.

Глиннес зашёл в дом, налил себе немного вина. Открыв кухонный шкаф, он изучил его скудное содержимое. Как удручающе отличалось открывшееся его глазам запустение от щедрого изобилия, царившего в старые добрые времена!

Послышалось журчание рассекаемой килем воды. Шагнув на веранду, Глиннес наблюдал за подплывающей лодкой, ожидая увидеть Маручу. Но в лодке стоял узкоплечий длиннорукий субъект с острыми локтями, в тёмно-коричневом с синим вельветовом костюме популярного среди аристократов покроя. Редкие пряди каштановых волос свисали почти до плеч, взгляд исподлобья и насмешливо кривящийся рот выдавали, вопреки беззлойности вкрадчивости лица, склонность к бесовским проказам. Глиннес узнал старого знакомого, ментора Джанно Акадия. У разговорчивого и остроумного, временами язвительного и даже не чуждавшегося злословия Акадия всегда были наготове эпиграмма, сплетня или философское изречение, что впечатляло многих, но раздражало покойного Джута Хульдена.

Глиннес спустился к причалу, подхватил брошенный конец и привязал его к швартовой тумбе. Ловко спрыгнув на берег, Акадий бурно приветствовал Глиннеса:

– Как только узнал о твоём возвращении, не мог усидеть ни минуты – хотел с тобой повидаться! Как приятно, что ты снова с нами!

Пока Глиннес вежливо отвечал на комплименты, Акадий энергично кивал с нарочитой сердечностью:

– Боюсь, в твоё отсутствие произошли перемены – не все они тебе придутся по душе.

– Я не успел ещё собраться с мыслями, – осторожно заметил Глиннес.

Акадий не обратил внимания – ментор поднял голову, взглядываясь в тёмные окна:

– Твоей драгоценнейшей родительницы, кажется, нет дома?

– Да я и не знаю, где она. Заходите, выпейте кружку-другую вина.

Акадий жестом выразил благодарное согласие. Пока они шли по причалу, Акадий обернулся в сторону Рэйбендерийского леса, где мерцала оранжевая искра костра Дроссетов:

– Треваньи ещё здесь, как я вижу.

– Завтра уедут.

Акадий понимающе кивнул:

– Очаровательная у них девчушка, но шальная – то есть обременённая неизбежностью судьбы... Хотел бы я знать, чья судьба в её легкомысленных руках!

Глиннес поднял брови – его представление о Дюиссане не вязалось со зловещими предчувствиями, но замечание Акадия вызвало неожиданный резонанс:

– В ней и правда что-то есть.

Акадий опустился в старое плетёное кресло на веранде, Глиннес принёс вино, сыр и орехи. Они расположились поудобнее, любуясь тающими оттенками труллионского заката.

– Ты в отпуске?

– Нет, вышел в отставку. Покров не для меня. Теперь мне предстоит выполнять обязанности сквайра Рэйбендерийского. Если не вернётся Шайра – во что уже никто, по-моему, не верит.

– Действительно, пора оставить всякую надежду. Прошло два месяца, – несколько напыщенным тоном изрёк Акадий.

– Как вы думаете, что с ним случилось?

Акадий прихлебнул вина.

– Несмотря на мою репутацию, об этом я знаю не больше тебя.

– Честно говоря, не могу разобраться в происходящем, – пожаловался Глиннес. – Зачем Глэй продал Амбаль? Какая-то ерунда – он ничего не объясняет и деньги не отдаёт. В результате я не могу аннулировать договор. Не ожидал, вернувшись домой, влипнуть в такую паутину. Как по-вашему, в чём тут дело?

Акадий осторожно поставил кружку на стол.

– Ты обращаешься за профессиональным советом? Возможно, в таком случае ты зря истратишь деньги, так как я ещё не вижу решения, приемлемого с твоей точки зрения.

Глиннес терпеливо вздохнул – он никогда, в сущности, не понимал, как следовало вести дела с Акадием.

– За полезный совет я заплатил бы.

К удовлетворению Глиннеса, ментор поджал губы. Собравшись с мыслями, Акадий сказал:

– Гм! Разумеется, я не могу брать деньги за распространение случайных сплетен. Как ты выразился, мои рекомендации должны быть полезны. Иногда разница между искренним стремлением помочь ближнему и профессиональным долгом трудноуловима. Предлагаю выбрать ту или иную основу для дальнейшего обсуждения.

– Раз вы предпочитаете формулировать наши взаимоотношения таким образом, пусть это будет платная консультация, – согласился Глиннес.

– Прекрасно. По какому вопросу ты желаешь проконсультироваться?

– Я хотел бы получить общую оценку ситуации. Намереваясь взять дела в свои руки, я наталкиваюсь на полную неизвестность. Прежде всего меня интересует вопрос об Амбальском острове – Глэй не имел права его продавать.

– Нет никакой проблемы. Верни деньги и расторгни договор.

– Глэй не отдаёт полученную сумму, а у меня нет двенадцати тысяч озолей.

– Существенное затруднение, – согласился Акадий. – Шайра, разумеется, отказывался продать остров. Сделка была заключена после его исчезновения.

– Мм... что вы имеете в виду?

– Ровным счётом ничего. Предлагаю факты, позволяющие тебе делать любые выводы по своему усмотрению.

– Кто такой Лют Касагейв?

– Не знаю. На первый взгляд он производит впечатление человека благородного происхождения – предпочитает замкнутый образ жизни и проявляет любительский интерес к местной генеалогии. Во всяком случае, мне он сообщил, что составляет родословную населяющих Низины аристократических семей. Само собой, его подлинные побуждения могут быть далеко не академическими. Возможно, он пытается обосновать претензии на тот или иной титул, дающий определённые права. Если это так, его деятельность может привести к любопытным последствиям... М-да. Что ещё мы знаем о таинственном Люте Касагейве? Как тебе,

несомненно, известно, Касагейв утверждает, что родился в стране боллов на планете Эллент, Аластор 485. Я в этом сомневаюсь.

– Почему?

– Ты же знаешь, я человек наблюдательный. Касагейв пригласил меня на завтрак в свою усадьбу. Проведя некоторое время в его компании, я обратился к справочным материалам. Удалось выяснить, что, как ни странно, большинство боллов – левши. Касагейв пишет и держит нож правой рукой. Кроме того, боллы, как правило, глубоко религиозны и верят, что погибшие души обитают в глубинах Чёрного океана на южном полюсе Эллента, населяя телесную оболочку подводных созданий. На Элленте поглощать пищу морского происхождения – значит рисковать одержимостью преступными страстями. Короче говоря, боллы не едят рыбу. Лют Касагейв, однако, на моих глазах преспокойно покончил с супом-пюре из морских пауков, а затем разделил со мной наслаждение вкуснейшей, превосходно приготовленной на рашпере рыбой-уткой. Лют Касагейв – болл? – Джанно Акадий умоляющим жестом приподнял ладони: – Не знаю, не знаю!

– Но зачем ему скрывать происхождение? Разве что...

– Вот именно. Тем не менее в подобных случаях нередко находится вполне обыденное объяснение. Например, Касагейв может оказаться эмансипированным боллом, отбросившим предрассудки соплеменников. Подозревать лишнее – столь же грубая ошибка, как и предполагать невинность.

– Разумеется. Как бы то ни было, я не могу вернуть Касагейву деньги, потому что Глэй отказывается их отдать. Известно ли вам, где находится сумма, полученная за Амбальский остров?

– Известно. – Акадий покосился на Глиннеса. – Должен заметить, однако, что это информация второй категории – за неё плата взимается по особому тарифу.

– Ничего страшного, – успокоил его Глиннес. – Если счёт будет чрезмерным, вы всегда сможете его пересмотреть. Где деньги?

– Глэй вручил их человеку по имени Джуниус Фарфан, проживающему в Вельгене.

Глиннес хмурился, глядя на Амбальский плёс:

– Я о нём уже слышал.

– Весьма вероятно. Фарфан – секретарь местных фаншеров.

– Ага! И зачем же Глэй отдал ему деньги? Глэй – тоже фаншер?

– Даже если Глэй не вступил в их организацию формально, похоже, что дело к этому идёт. Его всё ещё отпугивают их манеры и некоторые другие особенности.

Глиннеса озарило:

– Неприглядные костюмы? Короткая стрижка?

– Всего лишь внешние признаки. Их движение уже вызвало возмущённые отклики, что можно понять. Принципы фаншерады прямо противоречат традиционным представлениям и поэтому рассматриваются как антисоциальные.

– Мне всё это ново и незнакомо, – признался Глиннес. – О фаншераде я впервые услышал только сегодня.

Тон Акадия стал предельно нравоучительным:

– Наименование секты происходит от древнеглоттийского корня «фан», означавшего оргиастическое торжество. Основополагающий тезис фаншеров, по-видимому, – не более чем безвкусная азбучная истина: жизнь есть приобретение настолько драгоценное, что каждое мгновение необходимо использовать для извлечения максимальных возможных преимуществ. Кто стал бы спорить, спрашивается? Пытаясь реализовать эту идею, однако, фаншеры провоцируют враждебность. Они считают, что каждый человек обязан ставить перед собой возвышенные цели и достигать их по мере возможности. Даже если фаншер не добивается успеха, он по меньшей мере проигрывает с честью и может почерпнуть удовлетворение в стремлении

к самовыражению как таковом. Жизнь не проходит даром. Если он побеждает... – Джанно Акадий не удержался от иронического жеста. – Кто побеждает в этой жизни? Смерть! Тем не менее фаншеры, по сути дела, руководствуются славными идеалами.

Глиннес скептически хмыкнул:

– Если каждый из пяти триллионов обитателей Аластора станет делать всё возможное для достижения самых честолюбивых целей, никто никому не даст минуты покоя!

Акадий улыбнулся и кивнул:

– Учитывай, однако, что фаншерада – не для всех, не для пяти триллионов. Фаншерада – одинокий вопль отчаяния, потерянности личности в бесконечности бесконечностей. Участвуя в фаншераде, индивидуум отвергает и преодолевает безвестность, утверждая собственное величие. – Ментор взял паузу, лицо его насмешливо сморщилось: – В скобках можно было бы заметить, что только один человек поистине способен реализовать свои стремления на манер фаншеров – всемогущий коннатиг. – Акадий отхлебнул вина.

Солнце зашло. Небо затянули высокие холодно-зелёные перистые облака, на юге и на севере ещё расплывались туманные клочки и завитки розового, фиолетового и лимонно-жёлтого оттенков. Некоторое время двое сидели в полной тишине.

Первым тихо заговорил Акадий:

– Вот так – ты получил общее представление о фаншераде. Немногие фаншеры на самом деле разбираются в принципах своего движения. В конце концов, большинство из них – дети, разочарованные ленью, эротическими излишествами, безответственностью, безалаберностью родителей. Они презирают кауч, вино, обжорство на вечеринках – всё, что потребляется во имя немедленного удовлетворения и получения ярких впечатлений. Вероятно, главным образом они стремятся создать новое, особое представление о себе. Фаншеры культивируют ношение бесцветных невыразительных нарядов, теоретически обосновывая это тем, что человек должен выделяться индивидуальными поступками и достижениями, а не общепринятыми символами принадлежности к тому или иному сословию.

– Стайка крикливых неоперившихся птенцов! – рычал Глиннес. – Какой смысл бросать вызов всем, кто старше, умнее и опытнее тебя? Где они набрались наглости?

– Увы! – вздохнул Акадий. – Ничто не ново в этом мире.

Глиннес налил в обе кружки ещё вина.

– Глупый, бесполезный, бесстыдный вздор! Чего люди хотят от жизни? У нас, триллей, есть всё, что нужно человеку – еда, музыка, развлечения. Что в этом злонамеренного? Для чего ещё стоит жить? Фаншеры – уродливые горгульи, твякающие на солнце!

– На первый взгляд их претензии выглядят нелепо, – признал Акадий. – И всё же... – Ментор пожал плечами: – В вызывающей позе фаншера есть определённое величие. Почему не возроптать на судьбу? Найти некий смысл в извечной сутолоке случайностей. Заклеймить стихийный хаос печатью человеческой воли. Возвести сияющий монумент одинокой живой душе в пустыне пяти триллионов покорных серых ничтожеств. Дикая, смелая мечта!

Глиннес хрюкнул:

– Послушайте себя! Вы не собираетесь, случаем, вступить в их славные ряды?

Акадий покачал головой:

– Есть худшие призвания, но фаншерада не для меня, нет. Такие увлечения хороши в молодости. Я слишком стар.

– Интересно, что фаншеры думают о хуссейде?

– Спорт они считают пошлой выдумкой, пустой тратой времени и сил, отвлекающей от созерцания истинных глубин и тонкостей бытия.

Глиннес ошеломлённо качал головой:

– Подумать только! А девчонка-треванья обозвала меня фаншером.

– Достопримечательное наблюдение! – отозвался Акадий.

Глиннес бросил на ментора быстрый подозрительный взгляд, но встретил лишь выражение беззащитной невинности.

– Как всё это началось? Не помню, чтобы до моего отъезда была какая-нибудь фаншерада.

– Подходящее сырьё, так сказать, всегда было под рукой. Насколько я понимаю, достаточно было идеологического толчка. Из искры возгорелось пламя.

– И кто же нынче главный идеолог фаншерады?

– Джуниус Фарфан. Тот самый, что в Вельгене.

– Мои деньги – у теоретика идиотов?!

Джанно Акадий прислушался и вскочил:

– Кажется, Маруча возвращается.

В сопровождении Глиннеса ментор спустился к причалу. Со стороны Ильфийской протоки показался узкий тёмный силуэт, очерченный расходящимися струями бурлящей воды. Лодка пересекла окраину Амбальского плёса и подплыла к причалу. Пока Глиннес принимал швартов от Глэя и привязывал его к тумбе, Маруча весело вспорхнула на причал. Глиннес с изумлением смотрел на её наряд – робу из грубого белого полотна, чёрные башмаки и чёрную шлемовидную шляпку, прижимавшую волосы к голове и тем самым подчёркивавшую её сходство с Глэем.

Акадий выступил вперёд:

– Сожалею, что тебя не застал. Мы с Глиннесом приятно провели время, обсуждая фаншераду.

– Замечательно! – воскликнула Маруча. – Тебе удалось его обратить?

– Вряд ли, – ментор расплылся в улыбке. – Даже будучи заложено в благодатную почву, зерно не сразу прорастает.

Глэй, стоявший в сторонке, выглядел язвительнее прежнего. Акадий продолжал:

– Я кое-что тебе привёз. Вот сенсублизатор. – Он протянул Маруче небольшой флакон. – Очень помогает сосредоточиться, способствует ускорению обучения. Не принимай больше одной пилюли, это болезненно обостряет чувствительность. – Ментор передал матери Глиннеса стопку книг. – Руководство по математической логике, трактат, посвящённый мини-хронической теории, «Основы космологии». Важные элементы программы.

– Весьма признательна, – с некоторой сухостью ответствовала Маруча. – Ума не приложу, что я могла бы тебе предложить?¹⁸

– Порядка пятнадцати озолей было бы более чем достаточно, – чуть поклонился Акадий, – но с этим, разумеется, можно повременить. А теперь мне пора, уже давно стемнело.

Тем не менее ментор подождал, пока Маруча отсчитывала пятнадцать озолей, и даже соблаговолил вяло протянуть руку, чтобы принять деньги.

– Спокойной ночи, всего наилучшего! – Маруча и Глэй зашли в дом. Оставшись наедине с Акадием, Глиннес спросил:

– Что вы согласились бы принять в качестве возмещения за консультацию?

– Ах да, чуть не запамятовал. Если мои замечания оказались сколько-нибудь полезными, я был бы чрезвычайно признателен, получив двадцать озолей.

Глиннес уплатил, думая про себя, что советы Акадия обходились недёшево. Ментор отправился восвояси, в прихотливую старую усадьбу на острове Сарпассанте. Ему предстояло плыть по Фарванскому и Вернисскому рукавам реки Заур, а затем через Тетринский плёс.

В доме на острове Рэйбендери горели огни. Глиннес медленно поднялся на веранду, где стоял наблюдавший за ним Глэй.

¹⁸ На Труллионе, где щедрость стала естественным следствием изобилия, вопросы типа «Сколько я тебе должен?» считаются неприличными.

– Я знаю, что ты сделал с деньгами, – сказал Глиннес. – Ты пожертвовал Амбальским островом ради нелепой, тщеславной прихоти.

– Всё, что можно было сказать по этому поводу, уже сказано. Утром я уеду. Мать хочет, чтобы я остался, но, судя по всему, мне будет удобнее жить где-нибудь в другом месте.

– Нагадил и сбежал – так, значит, получается?

Братья обменялись горящими взглядами. Глиннес повернулся и зашёл в дом.

Маруча сидела, перелистывая принесённые Академ учебники. Глиннес открыл было рот, но смолчал, снова вышел на веранду и мрачно опустил в кресло. Вскоре он услышал отголоски приглушённой беседы – но Маруча и Глэй говорили так, чтобы он ничего не понял.

Глава 6

Утром Глэй погрузил в лодку тюки с пожитками, и Глиннес отвёз его в Зауркаш. По дороге братья не сказали ни слова. Взобравшись на пристань в Зауркаше, Глэй нарушил молчание:

– Я останусь в окрестностях – по крайней мере в ближайшее время. Скорее всего, поживу в палатке на выгоне. Если я зачем-то буду нужен, Акадий знает, где меня найти. Постарайся не обижать маму. У неё была несчастная жизнь – что плохого в том, что она решила на старости лет поиграть в куклы?

– Верни двенадцать тысяч – может быть, тогда я услышу, что ты говоришь, – ответил Глиннес. – А до тех пор слова не имеют значения. Собака лает – ветер носит.

– Дураком ты был, дураком и остался! – попрощался Глэй и зашагал прочь по пристани. Глиннес проводил его взглядом. Потом, вместо того чтобы возвращаться на Рэйбендери, он продолжил путь на запад, к Вельгену.

На легко скользящей по спокойным водам лодке Глиннес добрался до Угрюмой заводи меньше чем через час. Здесь, в устье широкой реки Карбаш, море было в полутора километрах к югу.

Глиннес привязал лодку у бесплатного общественного причала почти в тени стадиона для хуссейда – внушительной постройки на серо-зелёных сваях из стволов мены, скреплённых чугунными скобами. Тут же он заметил огромный плакат кремового цвета с красными и синими строками:

ХУССЕЙД-КЛУБ ФЛЕХАРИЙСКОГО ПЛЁСА

набирает команду для участия в отборочных соревнованиях.

Игроков-кандидатов, имеющих достаточный опыт, просят обращаться к Джералу Эстангу, секретарю, или к почётному попечителю команды Таммасу, лорду Дженсиферу.

Глиннес ещё раз прочёл объявление, недоумевая, каким образом Дженсифер надеялся найти дюжину талантливых спортсменов, способных состязаться на профессиональном уровне? В ту пору, когда его ещё не взяли на службу, в Низинах соперничало больше десятка неплохих команд: «Вельгенские смерчи», «Непобедимые» из Альтрамарского хуссейд-клуба, «Вуляшские галошпаны»¹⁹ с острова Большая Взятка, «Гаспарские неотразимые», «Зауркашские змеи» (не слишком организованная сборная «с миру по нитке» – за неё играли Шайра и Джут Хульден), «Горжеты» из хуссейд-клуба Лорессами и многие другие, самых различных достоинств. В большинстве команд часто менялся состав. Жёсткая конкуренция заставляла постоянно искать способных и опытных игроков, всячески их улаживать, заманивать их десятками поощрений и привилегий. Глиннес не видел, почему бы ситуация могла радикально измениться за десять лет.

Отвернувшись от стадиона, Глиннес поймал себя на мысли, в последнее время настойчиво пытавшейся проникнуть в его сознание. Слабая команда теряла деньги и, если не находила финансовой поддержки, разваливалась. Посредственная команда то выигрывала, то терпела поражение в зависимости от мастерства противников, согласившихся помериться с ней силами. Но успешная сборная агрессивных, выносливых профессионалов нередко зарабаты-

¹⁹ Галошпаны (буквально «обнажители девиц») – намёк на ожидаемую плачевную судьбу шерли противника.

вала за год приличные деньги – доля каждого игрока вполне могла составить двадцать тысяч озолей.

Задумавшись, Глиннес вышел на центральную площадь. Вельгенские здания казались ему чуть одряхлевшими, лозы вьющегося калепсиса, затенявшие беседку перед таверной «Одде-Лисс», разрослись и переплелись плотнее. Кроме того – теперь Глиннес не мог их не заметить, – на улицах неожиданно часто встречались прохожие в унылых униформах фаншеров и похожих костюмах. Глиннес даже засмеялся от презрения к нелепому поветрию, заразившему горожан подобно гриппу. Посреди площади, как всегда, возвышался прутаншир – квадратная платформа двенадцатиметровой ширины с высоким порталным краном. Рядом была дополнительная платформа поменьше – сцена для музыкантов, аккомпанировавших траурно-карательным обрядам.

За десять лет в Вельгене появилась пара новых построек – в том числе примечательная гостиница «Доблестный св. Гамбринус», возведённая на столбах из стволов мены над садовой пивной, где музыканты-треваньи уже развлекали любителей освежиться пораньше.

Был базарный день. Уличные торговцы расставили по периметру площади тележки-прилавки. Все лавочки без исключения принадлежали к племени вриев, не менее обособленному и своеобразному, чем треваньи. Трилли – вельгенские горожане и низинные селяне – прогуливались мимо базарных рядов, приглядываясь и ощупывая, прицениваясь и торгуясь, время от времени что-нибудь покупая. Сельские жители щеголяли в традиционных нарядах – неизменных параях, украшенных по прихоти, из утилитарных соображений или исходя из навеянных утренним океанским бризом эстетических предпочтений, безделушками и побрякушками, весёлыми шарфами, расшитыми узорчатыми жилетами, лёгкими плащами-накидками с непонятными иероглифами, чётками, ожерельями, звенящими подвесками, головными повязками и кокардами. Горожане одевались не столь причудливо – среди них попадалось немало деловитых фигур в фаншерских костюмах из добротной серой ткани, хорошо сидящих и непременно дополненных начищенными до блеска чёрными башмаками. У некоторых на головах красовались чёрные фетровые фески, низко нахлобученные на коротко подстриженные волосы. Костюмами такого покроя не брезговали и представители старшего поколения, причём именно они казались самыми важными и довольными. «Не может быть, – подумал Глиннес, – чтобы все они примкнули к фаншераде!»

К нему подходил тощий длиннорукий субъект в тёмно-сером. Глиннес глазам своим не поверил, потом пренебрежительно усмехнулся:

– И вы туда же? Что за чертовщина!

Акадий нисколько не смутился:

– Почему бы и нет? Что зазорного в том, чтобы одеваться по последней моде? Иногда хочется тряхнуть стариной, притвориться молодым.

– И заодно притвориться фаншером?

Акадий пожал плечами:

– Опять же, почему нет? Пожалуй, они чрезмерно идеализируют себя и слишком придираются к предрассудкам и сластолюбию обывателей, тем не менее... – Ментор беззаботно махнул рукой: – Так получилось!

Глиннес укоризненно качал головой:

– Откуда ни возьмись появились фаншеры – и с ними вся мудрость мироздания! Появились-то они благодаря своим родителям – но кому нужны жалкие, бестолковые, отжившие предки?

Акадий рассмеялся:

– Моды приходят и уходят. Они оживляют однообразие существования – что можно только приветствовать. – Прежде чем Глиннес успел возразить, Акадий сменил тему разговора: – Я подозревал, что ты сюда приедешь. Надо полагать, ты ищешь Джуниуса Фарфана –

по счастливому стечению обстоятельств я могу не только сказать, но и показать, где он находится. Смотри, за этим варварским пыточным аппаратом, в саду под гостиницей «Доблестный св. Гамбринус», слева в тени, сидит фаншер и что-то пишет в бухгалтерской книге. Это и есть Джуниус Фарфан.

– Мне нужно с ним поговорить – сию минуту.

– Желаю удачи! – напутствовал его Акадий.

Глиннес пересёк площадь, вступив в тенистый сад, где подавали пиво, и приблизился к указанному Акадием столу:

– Вы – Джуниус Фарфан?

Фаншер поднял голову. Глиннес увидел классически правильное, но, пожалуй, бескровное и рассудочное лицо интеллектуала. Серый костюм элегантно сидел на аскетической фигуре, состоявшей, казалось, из одних нервов, жил и костей. Чёрная фетровая феска скрывала волосы и драматически подчёркивала бледность широкого лба и задумчивость смотрящих слегка исподлобья глаз. Тем не менее незнакомец был, по-видимому, моложе Глиннеса.

– Да, я – Джуниус Фарфан.

– Меня зовут Глиннес Хульден. Глэй Хульден – мой брат. Недавно он передал вам большую сумму денег, порядка двенадцати тысяч озолей.

Фарфан кивнул:

– Верно.

– Боюсь, что у меня для вас плохие новости. Глэй получил эти деньги незаконно. Он продал имущество, принадлежащее не ему, а мне. Я вынужден попросить вас вернуть эти деньги.

Фарфан не проявил ни удивления, ни заметного беспокойства. Он указал на стул:

– Садитесь. Не желаете ли чего-нибудь выпить?

Глиннес сел и позволил налить себе кружку эля.

– Благодарю вас. Так как же насчёт денег?

Фарфан бесстрастно изучал его.

– Разумеется, вы не ожидаете, что я достану из-под стола и передам вам мешок с двенадцатью тысячами озолей.

– Я ожидаю именно чего-то в этом роде. Эти деньги мне необходимы – я обязан не допустить потери родового имущества.

Фарфан улыбнулся, выражая вежливое сожаление:

– Ваши ожидания напрасны, так как я не могу вернуть деньги.

Глиннес со стуком опустил кружку на стол:

– Почему?

– Мы уже вложили все средства – заказали оборудование для фабрики. Мы собираемся изготавливать на Труллионе товары, в настоящее время импортируемые.

Голос Глиннеса охрип от плохо сдерживаемой ярости:

– Вам придётся найти другой источник капиталовложений и уплатить мне двенадцать тысяч озолей.

Фарфан медленно кивнул:

– Если деньги действительно ваши, я, безусловно, не стану отрицать, что мы у вас в долгу, и порекомендую выплатить долг с процентами, как только наши предприятия начнут приносить прибыль.

– Когда, по-вашему, это произойдёт?

– Не знаю. Мы надеемся как-нибудь приобрести земельный участок, получив заём или крупное пожертвование. Может быть, нам удастся даже занять спорную или ничейную территорию. – Фарфан повеселел, на его лице неожиданно появился мальчишеский задор. – После этого нужно будет построить завод, обеспечить поставки сырья, освоить требуемые производ-

ственные методы, произвести и продать товары, оплатить первые поставки сырья, заказать новые материалы и так далее.

– На всё это уйдёт достаточно много времени, – подытожил Глиннес.

Джуниус Фарфан нахмурился, глядя куда-то в неизвестность:

– Давайте установим определённый срок – скажем, пять лет. Если к тому времени вы не откажетесь от своих претензий, мы сможем обсудить этот вопрос снова – надеюсь, к взаимному удовлетворению. Как частное лицо, я вам сочувствую – вы оказались в очень неудобном положении. Как секретарь организации, отчаянно нуждающейся в капитале, я был чрезвычайно рад воспользоваться вашими деньгами, так как, с моей точки зрения, наши потребности насущнее ваших. – Он закрыл бухгалтерскую книгу и поднялся: – Всего хорошего, сквайр Хульден.

Глава 7

Глиннес провожал глазами переходившего площадь Джуниуса Фарфана, пока тот не скрылся за прутанширом. Чего удалось добиться? Как он и ожидал, ничего. Теперь он презирал учтивого секретаря фаншеров не меньше, чем Глэя. Здравый смысл подсказывал, что ему следовало забыть о потерянных деньгах и заняться поисками новых. Глиннес заглянул в кошелёк, хотя прекрасно помнил, сколько у него осталось – три банковских билета по тысяче озолей, четыре сотенных банкноты и ещё примерно сто озолей мелкими бумажками. Значит, не хватало девяти тысяч. Пенсия младшего офицера после десяти лет службы в Покрове составляла сто озолей в месяц – вполне достаточно для человека в его обстоятельствах. Глиннес покинул сад «Доблестного св. Гамбринуса» и направился в Вельгенский банк на другой стороне площади, где представился директору.

– Буду краток, – сказал Глиннес. – Мне нужно девять тысяч озолей, чтобы расторгнуть договор о продаже Амбальского острова, незаконно заключённый в моё отсутствие моим братом и неким Лютом Касагейвом.

– Лют Касагейв... да, припоминаю.

– Я хотел бы занять девять тысяч. Могу выплачивать эту сумму по сто озолей в месяц, переводя на долговой счёт содержание, причитающееся мне как офицеру Покрова в отставке. Таким образом, ваши деньги в полной безопасности, долг будет погашен.

– А если вы умрете – что тогда?

Глиннес не подумал о такой возможности.

– В случае чего в обеспечение долга всегда остаётся остров Рэйбендери.

– Остров Рэйбендери. Вы его владелец?

– В настоящее время я – сквайр Рэйбендерийский, – ответил Глиннес с неожиданным предчувствием поражения. – Мой старший брат Шайра исчез два месяца тому назад. Почти наверняка погиб.

– Почти наверняка, согласен. Тем не менее в нашем деле нельзя рассчитывать на такие понятия, как «почти». Мы с готовностью предоставим заём, когда вы станете юридическим владельцем острова – то есть когда вы докажете, что ваш старший брат скончался.

Глиннес раздражённо вскинул голову:

– Как я это докажу? Поймаю мерлинга, слопавшего Шайру, и приволоку в суд? Абсурдное требование!

– Ваши затруднения более чем очевидны, но в жизни немало абсурдных обстоятельств, и нам нередко приходится с ними сталкиваться. Ваш случай – лишь один из многих, поверьте мне.

Отчаявшись, Глиннес развёл руками. Покинув банк, он вернулся к своей лодке, задержавшись только для того, чтобы перечитать объявление о наборе игроков в команду Флехарийского хуссейд-клуба.

Возвращаясь на лодке к Рэйбендери, он производил в уме всевозможные расчёты, но все они завершались одним и тем же выводом: девять тысяч озолей на дороге не валялись. Глиннес прикинул, сколько в лучшем случае он успел бы выручить продажей овощей, фруктов и орехов с острова Рэйбендери – около двух тысяч, чуть ли не в пять раз меньше требуемой суммы. Мысли его вернулись к хуссейду.

В хорошей команде игрок мог заработать десять, даже двадцать тысяч в год – если команда выступала достаточно часто и почти не проигрывала. Лорд Дженсифер, судя по всему, намеревался сколотить именно такую сборную. Прекрасно и замечательно, с одной оговоркой – все остальные команды в Низинах и за их пределами тоже делали всё возможное и невозмож-

ное, чтобы добиться успеха. Закулисные сделки, интриги, несбыточные обещания, разговоры о богатстве и славе – всё шло в ход, чтобы привлечь редких талантливых спортсменов.

Агрессивный и сообразительный атлет не всегда отличался ловкостью и прыткостью, а человек ловкий и прыткий мог медленно реагировать или, будучи легче большинства соперников, то и дело оказывался в воде. Кроме того, в каждой позиции требовались особые способности. Свойствами хорошего нападающего были молниеносная маневренность и смелость, достаточные для преодоления препон полузащиты и защиты противника. В полузащитнике ценились быстрота реакции и опыт, но прежде всего умение обращаться с буфом – обитой мягким материалом дубинкой, позволяющей отталкивать противников и сбрасывать их в «купальни» с рядов и нефов. Полузащитники были первой линией обороны, пресекавшей попытки нападающих прорваться по чужой половине поля. Последнюю линию обороны занимали защитники – мощные тяжеловесы, решительно орудовавшие буфами. Так как защитникам редко приходилось прыгать через «купальни», пользуясь подвешенными трапециями, акробатическая ловкость от них не требовалась.

Идеальный игрок в хуссейд сочетал все эти качества: силу, ум, хитрость, проворность, выносливость и безжалостность. Таких было мало. Каким же образом, спрашивается, Дженсифер надеялся набрать команду, способную участвовать в отборочных соревнованиях? Достигнув Флехарийского плёса, Глиннес решил выяснить, в чём тут дело, и повернул на юг, к Пяти островам.

Пришвартовавшись рядом с элегантно-обтекаемым прогулочным катером лорда, Глиннес вспрыгнул на причал. Дорожка через парк привела его к усадьбе. Пока он поднимался по ступеням, парадная дверь отодвинулась в сторону. Лакей в сиреневой с серым ливрее смерил незваного гостя неприязненным взглядом. Его мнение об общественном положении Глиннеса выразилось лёгким формальным поклоном:

– Что вам угодно, сударь?

– Будьте добры, сообщите лорду Дженсиферу, что с ним хочет поговорить Глиннес Хульден.

– Пожалуйста, пройдите внутрь.

Глиннес вступил в высокое шестиугольное фойе с полом, выложенным блестящими плитками серого и белого стельта²⁰. Над головой висела люстра, сверкавшая сотнями точечных светильников среди тысяч призматических алмазных подвесок. Деревянная обшивка стен из белой артики обрамляла высокие узкие зеркала, переливавшиеся бесконечными вереницами отражений люстры.

Лакей вернулся и провёл Глиннеса в библиотеку, где Таммас, лорд Дженсифер, развалился в каштановой пиджачной паре на софе перед экраном, наблюдая за игрой в хуссейд²¹.

²⁰ Стельт – полудрагоценный материал, добываемый из вулканических пробок на погасших звёздах определённого типа, сплав металла и природного хрустального стекла, встречающийся в самых различных вариантах расцветки и рисунка.

²¹ Поле для игры в хуссейд – решётка продольных и поперечных дорожек с закруглёнными краями (называемых соответственно «нефами» и «рядами») над бассейном полутораметровой глубины. Расстояние между продольными нефами – три метра, между поперечными рядами – четыре. Трапеции позволяют игрокам перепрыгивать водные промежутки («купальни») поперечно, с одного нефа на другой, но из одного ряда в другой (вперёд или назад) можно только перебежать. Центральный поперечный ров шириной два с половиной метра можно преодолеть по правому, левому или среднему нефу либо в прыжке (если игрок достаточно силён и ловок). «Финишные купальни» с двух противоположных концов поля окружают пьедесталы, где стоят шерли. Пользуясь набалдашниками буфов и плечами, игроки соперничающих команд сбрасывают друг друга в купальни. Толкать или хватать противника руками, а также пинать противника или задерживать его ногами строго запрещено. Капитан каждой команды носит «державу» – лампу на метровом шесте с плоским основанием. Пока лампа горит, на капитана нельзя нападать, но и он сам нападать не может. Если капитан удаляется от державы больше чем на два метра, лампа гаснет и он становится законной добычей наравне с другими игроками. Капитан, отличающийся выдающимися атлетическими качествами, может практически игнорировать державу. Капитан, не столь уверенный в себе, занимает ключевую позицию, где он может защищать территорию команды благодаря своей неприкосновенности в радиусе двух метров вокруг горящей державы. Шерль стоит на платформе в конце поля, посреди финишной купальни. На ней белая хламида с золотым кольцом спереди. Игроки каждой команды стремятся схватиться за золотое кольцо шерли команды противника – после этого хламида

– Глиннес! Присаживайся, – радушно приветствовал гостя аристократ. – Чаю или, может быть, ромового пунша?

– С удовольствием выпью пунша.

Дженсифер указал на экран:

– Финал прошлогоднего чемпионата на стадионе Скопления! Чёрные с красным – «Гекстарские зуланы» с планеты Сигре. Зелёные – «Фалифоники» из системы Зелёной звезды. Великолепная игра! Смотрел её четырежды и каждый раз просто поражаюсь.

– Я видел «Фалифоники» два или три года тому назад, – сказал Глиннес. – Проворные, бывалые ребята, шныряют туда-сюда, как солнечные зайчики.

– С тех пор они не потеряли форму. Не сказать чтобы крупной породы, а всюду поспевают. Непробиваемой обороны у них нет, так она и не нужна при такой скорости атаки.

Лакей подал ромовый пунш в запотевших серебряных кубках. Какое-то время лорд Дженсифер и Глиннес сидели и любовались игрой – продольными прорывами и поперечными прыжками, обманными движениями и многоходовыми комбинациями, самоубийственными на первый взгляд акробатическими трюками, мгновенными перемещениями целой команды, настолько точно синхронизированными, что они казались случайными совпадениями. Чутко реагируя на выкрики капитанов, игроки перестраивались, как разноцветные фигуры в калейдоскопе, бросались в нападение, отражали контратаки. Постепенно сложная позиционная игра начинала складываться в пользу зелёных «Фалифоники». Слетевшись на трапециях с двух сторон, форварды «Фалифоники» взяли «в коробочку» полузащитника «Зуланов». Чёрно-красные защитники подтянулись, чтобы закрыть прореху. Заметив слабинку справа, крайний нападающий зелёных мигом прошмыгнул к пьедесталу и схватился за золотое кольцо на талии шерли. Наступил перерыв для уплаты выкупа. Дженсифер выключил экран.

– Зелёные в конечном счёте выиграли – и неплохо выиграли, как ты, наверное, знаешь. По четыре тысячи озолой на брата! Но ты пришёл не для того, чтобы болтать о хуссейде... Ха! Или соскучился по игре?

– По правде говоря, я хотел поговорить именно о хуссейде. Сегодня заехал в Вельген и видел объявление нового Флехарийского клуба.

Лорд Дженсифер развёл руки в стороны – воплощение щедрости:

– Я его финансирую. Давным-давно хотел устроить что-нибудь в этом роде и наконец решился. Наша база – вельгенский стадион. Теперь нужно собрать команду. Как насчёт тебя? Ещё играешь?

– Я играл за дивизию в Покрове. Мы выиграли пару чемпионатов сектора.

– Смотри-ка! Любопытно. Почему бы тебе не попытать счастья с нами?

– Можно попробовать, но прежде всего... есть проблема, с которой, может быть, вы могли бы мне помочь.

Дженсифер осторожно моргнул:

– Чем смогу, тем помогу. В чём проблема?

– Как вы, вероятно, знаете, мой брат Глэй продал остров Амбаль без моего ведома. Деньги он не возвращает – по сути дела, деньги пропали.

Дженсифер поднял брови:

– Фаншерада?

– Так точно.

Аристократ покачал головой:

– Ай-ай-ай! Какая глупость!

– Проблема вот в чём. У меня есть три тысячи. Чтобы выкупить остров у Люта Касагейва, нужно еще девять.

Лорд Дженсифер сложил губы трубочкой и пошевелил пальцами:

– Если Глэй не имел права продавать, значит, Касагейв не имел права покупать. Получается, что вопрос о деньгах – их проблема, а не твоя. Ты остаёшься юридическим владельцем.

– К сожалению, я не могу вступить в права владения вовремя, не доказав, что Шайра погиб, что тоже невозможно. Нужны наличные, другого выхода нет.

– Тупиковая ситуация, – согласился Дженсифер.

– Я предлагаю следующее. Предположим, я стану играть в вашей команде – не могли бы вы выдать мне авансом, в счёт будущих выигрышей, девять тысяч озолей?

Дженсифер откинулся поглубже в кресло:

– Рискованное вложение денег!

– Не слишком рискованное, если соберётся хорошая команда. Хотя, честно говоря, не вижу, где вы найдёте столько незанятых игроков высокого класса.

– Все в наличии! – Дженсифер выпрямился в кресле, его розовая физиономия зарделась мальчишеским энтузиазмом. – Я знаю, из кого можно сколотить самую сильную команду в Низинах – я уже составил список. Вот, послушай. – Он прочёл по бумажке: – Крайние нападающие: Тайран Лучо и Зарница Ларкен. Форварды: Яльден Вирп и Золотое Кольцо Гонниксен. В полузащите: Нило Басгард и Дикарь Вильмер Гафф. Защитники: Купатель Мейвельдип, Страшила Голуб, Карбо Гильвег и Хольберт Ханигатц. – Дженсифер отложил список и торжественно уставился на Глиннеса: – Ну и как тебе?

– Меня долго не было, – сказал Глиннес. – Только половина имен звучит знакомо. Я играл с Гонниксеном и Карбо Гильвегом, встречался на поле с Гаффом и, может быть, с парой других. Десять лет тому назад они были ничего – теперь, наверное, стали сильнее. Все уже записались?

– Ну... ещё не официально. Стратегия такова: я говорю с каждым по очереди. Показываю каждому состав команды и спрашиваю, хочет ли он с нами играть. Разве тут можно прогадать? Любой не прочь рано или поздно сорвать большой куш. Никто не откажет. В самом деле я уже связался с двумя-тремя игроками – они весьма и весьма заинтересованы.

– На какую позицию вы меня возьмёте? И как насчёт девяти тысяч?

Дженсифер отвечал осторожно:

– На первый вопрос могу сказать только то, что, сам понимаешь, я ещё не видел, как ты в последнее время играешь. Откуда мне знать – вдруг ты выдохся, обленился... Ты куда?

– Благодарю за пунш, – кивнул Глиннес.

– Минутку, минутку! Зачем же так – чуть что и взъерепенился! В конце концов, я просто выражаюсь откровенно. Десять лет тебя никто не видел. Хотя, если ты играл в сборной чемпионов сектора, надо полагать, ты в хорошей форме. Кем тебя записать?

– Кем угодно, кроме шерли. В сборной 93-й дивизии я был форвардом и полузащитником.

Лорд собственноручно налил Глиннесу ещё пунша.

– Без сомнения, мы что-нибудь придумаем. Но ты должен войти в моё положение. Я набираю лучших игроков. Если ты – один из лучших, значит, сможешь играть за «Горгон». Если нет – что ж, нам нужны запасные. Я руководствуюсь исключительно здравым смыслом, на что тут обижаться?

– Ну хорошо, так как же насчёт девяти тысяч?

Дженсифер отхлебнул пунша:

– Озоли на деревьях не растут. Я нуждаюсь в деньгах не меньше любого другого. Фактически... Ладно, не будем вдаваться в детали.

– Если вам не хватает денег, как наполнится клубная казна?

Аристократ беззаботно шевелил пальцами:

– Всё получится. На первых порах пригодятся любые средства – в том числе твои три тысячи. На общее дело не жалко.

Глиннес не верил своим ушам:

– Мои три тысячи? Вы хотите, чтобы я финансировал команду? А потом, надо полагать, возьмёте себе призовые деньги как владелец клуба?

Улыбаясь, Дженсифер откинулся на спинку кресла:

– Почему нет? Каждый вкладывает всё что может – силы, время и деньги, каждый получает долю прибыли. По-другому не бывает. Что тебя возмущает?

Глиннес поставил кубок на поднос:

– Так не делается. Команда играет, клуб содержит казну. Я не уступлю ни одного озоля. Если уж на то пошло, я сам могу набрать команду.

– Не торопись, не торопись! Может быть, нам удастся выработать правила, приемлемые для всех. Честно говоря, с наличными у меня туго. Тебе нужно иметь на руках двенадцать тысяч, пока не прошёл год со дня заключения договора. Три тысячи озолей ничего не стоят, пока у тебя нет других девяти.

– Как так – ничего не стоят? Они стоили мне десяти лет службы в Покрове!

Дженсифер отмахнулся:

– Допустим, ты внесёшь авансом в казну клуба три тысячи озолей. Первые же три тысячи, заработанные командой, будут тебе возвращены. Ты получишь деньги обратно, а потом...

– Другие игроки не согласятся на такие условия.

Лорд Дженсифер потянул себя за нижнюю губу:

– Ну хорошо, деньги могут быть возвращены из доли владельца клуба – другими словами, из моего кармана.

– Что, если ваш карман опустеет? Что, если мы проиграем мои три тысячи? Что тогда? Я останусь ни с чем!

– Мы не намерены проигрывать. Нужно сохранять оптимизм.

– Оптимизм внушают деньги, лежащие в кошельке.

Дженсифер глубоко вздохнул:

– Как я уже сказал, моё финансовое положение в настоящее время в высшей степени неопределённо... Мы могли бы всё устроить по-другому. Предположим, ты внесёшь три тысячи в клубную казну. Сперва мы сыграем с парой команд, рискующих пятью тысячами, – с этими мы запросто расправимся. В казне будет уже десять тысяч. Тогда мы начнём играть с десятитысячными командами. К тому времени выигрыш уже разделят, и ты получишь свои деньги из доли владельца. Всего-то потребуется выиграть один или два матча. После этого я стану выдавать тебе половину своей доли до тех пор, пока ты не накопишь ещё девять тысяч, а потом ты их вернёшь из своей доли дальнейших выигрышей.

Глиннес попытался подсчитать в уме:

– Ничего не понимаю. Вы меня полностью запутали.

– Всё очень просто. Если мы выиграем пять раз по десять тысяч озолей, у тебя наберётся двенадцать тысяч.

– Если! А если нет? Я останусь с пустыми руками – и потеряю даже те три тысячи, которые у меня есть.

Дженсифер продемонстрировал бумажку со списком имён:

– Такая команда не проиграет, будь уверен!

– Этой команды ещё нет. И казны у вас ещё нет. У вас даже шерли нет!

– Желаящих предостаточно, мой дорогой. Кто не захочет быть шерлью «Флехарийских горгон»? Я уже говорил с дюжиной очаровательных созданий.

– Сертифицированных созданий, я надеюсь?

– Мы их заставим провериться, не бойся. Какая чепуха, в конце концов! Как будто голая девственница чем-то отличается от любой другой голой красотки! Кому, кроме её будущего мужа, придёт в голову сомневаться?

– Команде. Согласен, это предрассудок, но хуссейд – далеко не рассудочная игра.

– За это стоит выпить! – Лорд Дженсифер шумно поднялся с кубком в руке. – Плевать мы хотели на рассудок! Кому он нужен? Фаншерам и треваньям!

Глиннес осушил свой кубок и тоже встал:

– Хорошо, что вы упомянули треваньев, – мне пора идти. Глэй позволил треваньям поставить палатки на Рэйбендери, они там места живого не оставят.

Дженсифер понимающе кивнул:

– Пожалеешь треванья, а он тебя за это только презирает и тащит вдвойне... Ну так что же, как насчёт трёх тысяч? Ты принял какое-нибудь решение?

– Придётся подумать. Кстати, сколько игроков из вашего списка уже согласились выступать за команду?

– Ну, скажем... несколько человек.

– Я хотел бы поговорить с каждым и узнать, насколько серьёзны их намерения.

Дженсифер нахмурился:

– Хмм. Это следовало бы обсудить. Почему бы тебе не остаться и не пообедать со мной? Я сегодня никого не жду, а в одиночку обедать ненавижу.

– Очень любезно с вашей стороны, лорд Дженсифер, но если бы я знал, что меня пригласят обедать в усадьбе аристократа, я оделся бы по-другому.

Дженсифер жестом дал понять, что не придаёт значения формальностям:

– Сегодня не будем церемониться – хотя, если ты настаиваешь, я могу занять тебе вечерний костюм.

– Нет, зачем же? Если вы не возражаете, почему бы я стал настаивать?

– Превосходно, не будем переодеваться. Хочешь досмотреть финальный матч?

– Не прочь – прошлогодний чемпионат я ещё не видел.

– Замечательно. Ралло! Подай свежий пунш! Этот уже выдохся.

На огромном овальном обеденном столе разложили приборы для двоих. Лорд Дженсифер и Глиннес сидели друг напротив друга, разделённые необъятной белоснежной скатертью. Серебро и хрусталь блестели под яркой, низко висящей люстрой.

– Тебе может показаться странным, – говорил Дженсифер, – что я живу, можно сказать, в роскоши, но испытываю нехватку наличных денег. Всё просто объясняется. Я живу на доходы с капиталовложений и в последнее время понёс значительный ущерб. Старментеры ограбили пару складов, моя компания еле держится на плаву. Временное положение вещей, разумеется, но в данный момент поступления едва покрывают расходы. Имя Бела Газзардо тебе что-нибудь говорит?

– Где-то слышал. Старментер?

– Мерзавец! Из-за него мои доходы сократились вдвое. Покров никак не может с ним справиться.

– Рано или поздно его поймают. Выживают только незаметные старментеры. Как только они заслуживают громкую репутацию, им приходит конец.

– Бела Газзардо грабит и убивает уже много лет. Патрули Покрова почему-то всегда оказываются в другом секторе.

– Рано или поздно его поймают.

Обед продолжался – трапеза из дюжины прекрасных приготовленных блюд, каждое в сопровождении пары бутылей хорошего вина. Глиннес подумал, что в помещицкой жизни были свои привлекательные стороны – воображение уже блуждало в будущем. Он станет зарабо-

тивать двадцать или тридцать, а то и сто тысяч озолей, выгонит Люта Касагейва с Амбальского острова, усадьба освободится... Её придётся ремонтировать, обновлять, мебелировать – сколько приятных хлопот! Глиннес уже видел себя величаво выходящим в роскошном костюме навстречу толпе благородных господ, рассаживающихся вокруг огромного обеденного стола – такого, как у лорда Дженсифера... Глиннес усмехнулся, подивившись своему тщеславию. Кого бы он пригласил на званый обед? Акадия? Молодого Харрада? Карбо Гильвега? Дроссетов? Кстати, Дюиссана в такой обстановке выглядела бы обворожительно... Глиннес представил себе прибытие родни, и несуразная картина распалась.

Когда Глиннес, наконец, забрался в лодку, сумерки уже давно сгустились. Наступала безоблачная ночь – мириады пылающих звёзд, увеличенные линзой атмосферы, теснились в небе, как огни фантастического города. Воодушевлённый вином, свежим воздухом, развёрнутыми лордом Дженсифером блестящими перспективами и беззвучным фейерверком звёздных отражений в чёрной воде, Глиннес заставил лодку стремительно лететь по Флехарийскому плёсу и свернуть в протоку Сельмы. Под торжественными ночными небесами Труллиона все затруднения казались преувеличенными, несущественными. Глэй и фаншерара? Поветрие, каприз, мелочь. Маруча и её глупые претензии? Пусть забавляется – чем ей ещё заниматься? Дженсифер с его хитроумными небылицами? Всё может быть – даже надежды лорда могут сбыться. Но подумать только – какая нелепость! Вместо того чтобы занять девять тысяч озолей, он чуть было не расстался с последними тремя! По мнению Глиннеса, Дженсифер явно испытывал нужду в дополнительных средствах и пытался раздобыть их всеми возможными способами. Несмотря на его дружелюбие и показную откровенность, с аристократом на мели следовало держать ухо востро!

Вверх по узкой протоке Сельмы скользила лёгкая лодка, мимо зарослей воздушных корней молчегодника и похожих на шалаши грибниц мягко-белых волокон лантинга, потом по Амбальскому плёсу, где лёгкий ветерок превратил отражения звёзд в переливчатый дрожащий ковёр. Справа темнел остров Амбаль с купами-метёлками фанзанилей, торчащими на фоне звёзд подобно потёкам пролитых чернил. Наконец, впереди – остров Рэйбендери, родной дом, знакомый причал. В окнах темно. Все уехали? Где Маруча? Наверное, ушла повидаться с друзьями.

Лодка прикоснулась к причалу. Глиннес выбрался на старые стонущие доски, привязал швартов и стал подниматься по тропе.

Скрип кожи, шаркающие шаги. Двигались тени – тёмные силуэты заслонили звёзды. Что-то тяжёлое обрушилось на голову, на шею, на плечи – снова и снова, заставляя стучать зубы и сотрясая позвонки частыми глухими ударами. Ноздри сдавило нашатырным смрадом – Глиннес упал на землю. Тяжёлые пинки с размаху – по рёбрам, по голове – гремели пушечными выстрелами, звенели колокольным звоном, заполняя собой пространство и весь мир. Глиннес пытался откатиться, свернуться клубком – но потерял способность что-либо ощущать.

Пинки прекратились – Глиннес расслабленно парил в облаке бесчувствия. Откуда-то извне, как посторонний, он наблюдал за тем, как по его телу шарили торопливые руки. Громкий шёпот отозвался болью в мозгу:

– Нож, не забудь нож!

Ещё прикосновения, новая лавина пинков. Глиннесу почудилось, что где-то страшно далеко прозвучал отголосок беззаботного девичьего смеха. Сознание растекалось каплями ртути. Глиннес заснул сном небытия.

Шло время, звёздный ковёр медленно кружился в ночном небе. Постепенно, малопомалу со всех сторон начали стекаться ручейки возвращающегося сознания.

Что-то сильное и холодное схватило Глиннеса за щиколотку и потащило к воде, вниз по тропе. Глиннес застонал и вцепился пальцами в сырую землю, но пальцы скользили. Он изо

всех сил брыкнул ногой, попал пяткой во что-то упруго-мясистое. Холодная хватка ослабла. Глиннес с болезненным усилием приподнялся на локтях и коленях, пополз вверх по тропе. Мерлинг не отставал и опять схватил за щиколотку. Глиннес яростно лягнул его каблуком. Мерлинг огорчённо квакнул.

Глиннес устало перевалился на спину, опираясь локтями на склон. Под пылающим звёздным небом Труллиона человек и мерлинг сидели лицом к лицу. Глиннес принялся отползать на ягодицах, отжимаясь руками и после каждого толчка перемещаясь назад сантиметров на тридцать. Мерлинг подскакивал всё ближе. Глиннес ударился спиной о ступени, ведущие на веранду. Под ступенями валялись старые колья для ограды, вырезанные из терновника. Глиннес повернулся и уже нащупал ладонью шиповатый кол, но мерлинг вовремя спохватился, рванул его за ноги и снова потащил к воде. Глиннес бился, как рыба, выброшенная на берег, высвободился и опять взобрался к веранде. Мерлинг разразился возмущённым кваканьем, грузно шлёпая вдогонку. Вытащив кол из-под ступени, Глиннес ткнул тянувшегося к нему мерлинга остриём в брюхо – тот опустился на корточки и попятился. Переползая вверх со ступени на ступень в сидячем положении, Глиннес держал наготове кол – мерлинг больше не решался приблизиться.

Забравшись на четвереньках в дом, Глиннес заставил себя встать и распрямиться. Опираясь на стену, он нашёл выключатель – дом озарился светом. В голове стучало, в глазах всё расплывалось. Каждый вздох разрывал грудь – по-видимому, несколько рёбер были сломаны. Внутренние части бёдер болели и кровоточили там, где грабители ожесточённо пинали его, целясь в пах, но плохо попадая в темноте. Укол острее боли пронзил Глиннеса: он схватился за карман – кошелёк пропал. Опустив голову, он увидел пустые ножны – чудесного ножа из протеума тоже не было.

Глиннес яростно, часто дышал. Кто это сделал? Он подозревал Дроссетов. Вспомнив звонкий, весёлый девичий смех, он утвердился в своём подозрении.

Глава 8

К утру Маруча ещё не вернулась. Глиннес предполагал, что она провела ночь с любовником. В любом случае он был рад отсутствию матери – та не преминула бы проанализировать каждый мельчайший аспект его «непутёвости», а он не был в настроении выслушивать поправки.

Глиннес лежал на кушетке – у него всё болело, он вспотел от ненависти к Дроссетам. Проковыляв в ванную, он изучил в зеркале лиловое от синяков лицо. Порывшись в шкафчике на стене, Глиннес нашёл болеутоляющую микстуру, выпил лошадиную дозу и еле добрался до кушетки.

Мгновенно забывшись, он проспал всё утро. В полдень позвонил телефон. Шатаясь в полусне, Глиннес прошёл в другой конец комнаты и, не показываясь на экране, наклонился к переговорной сетке:

– Слушаю.

– Маруча! – послышался отчётливый голос матери. – Глиннес, ты дома?

– Да, я здесь.

– А почему ты не показываешься? Ты же знаешь, я не люблю говорить, когда не вижу собеседника.

Глиннес пошарил рукой около кнопки включения видеопередачи, но нажимать не стал.

– Что-то заело. Теперь ты меня видишь?

– Нет, ничего не вижу. Ладно, всё равно. Глиннес, я приняла решение. Акадий давно хотел, чтобы я разделила с ним холостяцкий дом, и теперь, раз ты вернулся и наверняка скоро приведёшь какую-нибудь женщину, я согласилась переехать к Акадию.

Глиннес печально усмехнулся – он представил себе гневный рёв Джута Хульдена.

– Желаю тебе всего наилучшего, передай поздравления Акадию.

На загоревшемся экране появилось лицо Маручи:

– Глиннес! Ты как-то странно говоришь. С тобой всё в порядке?

– Всё в порядке – я просто немножко охрип. Когда ты устроишься, я приеду тебя навещать.

– Ну хорошо, Глиннес. Не делай глупостей и, пожалуйста, не будь так суров к Дроссетам. Если они хотят остаться на острове, что в этом плохого?

– Непременно учту твой совет.

– Будь здоров! – Экран погас.

Глиннес глубоко вздохнул и поморщился – боль отзывалась в рёбрах. Сколько их ему переломали? Ощупывая самые болезненные участки, он никак не мог определить масштабы повреждений.

Глиннес вынес на веранду миску с холодной кашей и заставил себя есть. Дроссеты, разумеется, убралась, оставив после себя разбросанный мусор, ворох сухих листьев и убогое отхожее место, сооружённое из древесных и пальмовых ветвей. За одну ночь они заработали три тысячи четыреста озолей и к тому же имели удовольствие наказать своего гонителя. Сегодня у Дроссетов был праздник.

Подойдя к телефону, Глиннес вызвал Эгона Римбольда, зауркашского лекаря. После того как Глиннес частично описал своё состояние, тот согласился нанести визит.

Проковыляв на веранду, Глиннес опустился в старое плетёное кресло. С веранды, как всегда, открывался безмятежный вид. Жемчужная дымка затуманивала дали, остров Амбаль казался плывущим в воздухе волшебным кораблём. Мысли Глиннеса блуждали... Маруча, внешне выражая презрение к аристократическим церемониям, стала принцессой хуссейда, рискуя пережить мучительный позор (или торжество?) публичного обнажения в надежде выйти

замуж за аристократа. Скрепя сердце она согласилась стать женой Джута Хульдена, сквайра Рэйбендерийского. Возможно, в глубине души её манила усадьба Амбальского острова, куда Джут ни за что не желал переезжать... Джут умер, Амбаль продали, и теперь Маручу ничто не удерживало на Рэйбендери.

Для того чтобы сохранить Амбаль, Глиннес должен был вернуть Касагейву двенадцать тысяч озолей и расторгнуть договор или доказать, что Шайра погиб, тем самым подтвердив незаконность сделки своего брата. Двенадцать тысяч – крупная сумма, а от человека, попавшего на ужин к мерлингам, не остаётся почти никаких следов... Глиннес привстал, чтобы посмотреть вниз на тропу, ведущую к причалу. Вот за тем кустом терновника прятались Дроссеты. Здесь, на тропе, на него напали. Вот следы, оставленные его пальцами, царапавшими землю. В двух шагах чуть плескалась мутная вода Фарванского рукава.

Эгон Римбольд прибыл на узкой чёрной моторной лодке.

– Я думал, ты своё отвоевал, – пошутил врач. – Судя по твоей физиономии, однако, война продолжается.

– Меня избили и ограбили, – сообщил Глиннес.

Римбольд взглянул на луг:

– Что-то треваньев больше не видно.

– Они уехали, оставив незабываемое впечатление.

– Что ж, посмотрим, что я смогу для тебя сделать.

Пользуясь эффективными средствами аласторской фармацевтики и заживляющим пластырем, лекарь сумел добиться значительного улучшения – Глиннес почувствовал себя почти здоровым.

Упаковывая медицинские принадлежности, Римбольд спросил:

– Полагаю, ты сообщил о нападении в полицию?

Глиннес моргнул:

– Честно говоря, мне это даже не пришло в голову.

– Не стал бы откладывать в долгий ящик. Дроссеты – опасная компания. Причём девчонка не лучше остальных.

– Я ими займусь, девчонкой тоже, – пообещал Глиннес. – Не знаю, когда именно и как, но они от меня не уйдут.

Римбольд жестом порекомендовал умеренность или по меньшей мере, осторожность – и уехал.

Глиннес снова изучил отражение в зеркале и с мрачным удовлетворением отметил явное улучшение внешности. Вернувшись на веранду и осторожно усевшись в кресло, он погрузился в размышления, стараясь придумать наилучший способ отомстить Дроссетам. Угрозы могли дать кратковременное удовлетворение, но, учитывая все обстоятельства дела, в конечном счете не приносили никакой пользы.

Глиннес потерял покой. Ковыляя туда-сюда вокруг дома, он неприятно поражался его запущенному состоянию. Даже по представлениям нетребовательных триллей, собственность сквайра Рэйбендерийского оставляла желать много лучшего. Глиннес снова разозлился на Глэя и Маручу. Как они могли не испытывать никаких тёплых чувств к старому дому? Неважно – он наведёт порядок, и Рэйбендери станет таким, каким он его помнил с детства.

Сегодня он был ещё слишком слаб, чтобы начать работу. Не зная, чем заняться, Глиннес осторожно спустился в лодку и направил её по Фарванскому рукаву к реке Заур, а потом, обогнув оконечность Рэйбендери, к острову Гильвег, где в старой доброй усадьбе вели весёлую беспорядочную жизнь его старые добрые знакомые, Гильвеги. Оставшуюся часть дня он бездельничал, предаваясь тем самым традиционным увеселениям триллей, которые фаншеры осуждали как проявления бестолковости, неопрятности и распущенности. Глиннес, изрядно навеселе, пел рыбацкие песни под аккомпанемент гармоника и гитары, повесничал с дочерьми

Гильвегов и вообще настолько пришёлся всем по душе, что Гильвеги пообещали завтра же прибыть на Рэйбендери в полном составе и помочь ему уничтожить следы стойбища треваньев.

Разговор зашёл о хуссейде. Глиннес упомянул лорда Дженсифера и «Флехарийских горгон»:

– Пока что команда существует только на бумаге. И всё-таки – вдруг ему удастся уговорить каждого, кто значится в списке? Случались и не такие вещи. Меня он хочет поставить форвардом, и я не прочь попробовать – хотя бы ради денег.

– Болтовня всё это! – поставил диагноз Карбо Гильвег. – В том, что касается хуссейда, Дженсифер шерли от мерлинга не отличит. И откуда у него возьмутся озоли? Он едва сводит концы с концами, это всем известно.

– Как сказать! – возразил Глиннес. – Я с ним обедал и могу поручиться, что он себе мало в чём отказывает.

– Так-то оно так, но содержать хорошую команду – это не лакея за выпивкой гонять. Нужны не только формы и шлемы, но и казна, вызывающая интерес у противника, – не меньше пяти тысяч. Сомневаюсь, чтобы из лордовых разговоров что-нибудь вышло. Кто у него капитан?

Глиннес задумался:

– Капитана он, кажется, так и не назвал.

– А от этого всё зависит. Если он найдёт именитого капитана, к нему игроки стекутся со всех сторон, даже я приду.

– Я тоже не лыком шит. Ничего ему не обещал, только любопытствовал.

– Лучше попытай счастья со старыми добрыми «Зауркашскими танчинарами»! – посоветовал Ао Гильвег.

– И правда, нам пригодилась бы пара хороших нападающих, – подтвердил Карбо. – Защита у нас не хуже любой другой, но через ров перепрыгнуть умельцев не хватает. Становись танчинаром! Очистим префектуру Джолани до нитки!

– А в казне-то у вас сколько?

– Больше тысячи что-то никак не соберём, – признал Карбо. – То выиграем, то продемся. Честно говоря, неровный у нас состав. Старикан Нероневи не вдохновляет – от державы не отходит, тактика у него азбучная. Я мог бы долго перечислять наши беды, да что толку?

– Ты меня убедил – пойду играть за «Горгон»! – заявил Глиннес. – Нероневи уже десять лет тому назад еле ноги волочил. Вы бы ещё Акадия капитаном выбрали!

– Никому нет дела, всем всё равно, – вздохнул Ао Гильвег. – Нужна встряска.

– Симпатичной шерли у нас уже два года не было, – пожаловался Карбо. – Дженлис Уэйд – глупее дохлого кавута. Когда с нее сорвали хламиду, она даже не поняла, что случилось. Барсилья Клофорет – длинная и тощая, как голодная выпь. На неё, голую, никто и смотреть-то не стал. Ушла с поля бледная от злости, не сказав ни слова.

– Тут у нас водятся симпатичные шерли. – Ао Гильвег указал большим пальцем за плечо, на своих дочерей Роланду и Беринду. – Неувязка только в том, что они норовят развлекаться не хуссейдом, а другими играми. Следовательно, потеряли квалификацию.

Вечер сменился авнессом, авнесс – сумерками, сумерки – темнотой, и Глиннеса уговорили переночевать в гостях.

Утром он вернулся на Рэйбендери и начал расчищать остатки стойбища треваньев. Любопытная деталь заставила его задуматься. Там, где горел костёр, в земле осталось отверстие полуметровой глубины, похожее на яму из-под выкопанного столба. Только никакого столба там не могло быть – отверстие находилось точно посередине выжженного кострища. Глиннес не мог найти этому разумного объяснения.

В полдень прибыли Гильвеги, и через два часа на острове не осталось никаких следов пребывания Дроссетов.

Пока мужчины работали, женщины приготовили всё, что можно было состряпать из продуктов, хранившихся в доме, – о скудной кладовой Маручи они отозвались с пренебрежением. Вообще, Маруча не вызывала у Гильвегов особой симпатии – слишком много о себе думала.

Теперь Гильвеги были посвящены во все подробности постигших Глиннеса невзгод. Все они горячо ему сочувствовали, но советы давали самые противоречивые. Глава семьи, Ао Гильвег, пару раз встречался и говорил с Лютом Касагейвом.

– Осторожный, лукавый тип, явно что-то замышляет. На Амбальский остров он переехал не в поисках деревенской тишины, помяните моё слово!

– Все они одинаковы, хлопотуны инопланетные! – заявила его жена Клара. – Вечно у них уйма всяких дел, вечно беспокоятся, суетятся, всё им не нравится, всё хотят переделать по-своему. Не умеют жить по-человечески.

– Касагейв чего-то стыдится или рассеян до слепоты, – вставил Карбо. – Проезжаешь мимо на лодке, а он даже голову не повернёт.

– Это от того, что он у нас большой аристократ, – фыркнула Клара. – Ему до простых смертных дела нет. Никого не пригласит, кувшин вина ни с кем не разопьёт, это уж точно!

Сестра Клары, Керранца, спросила:

– А вышибалу ты его видела? Вот чудище, во сне не приснится! По-моему, он наполовину полгонийский чимпутан или ещё какая помесь. Я такого бы на порог не пустила!

– И то правда! – горячо подтвердила Клара. – Вылитый громила. Притом не забывайте: с кем поведёшься, от того и наберёшься. Лют Касагейв не лучше своего слуги, вот увидите!

Ао Гильвег с упрёком воздел руки:

– Полно, будет вам! Расшумелись! Подумайте головой-то, а не другим местом! Нет никаких доказательств того, что эти двое в чём-то замешаны – их даже ни в чём не обвиняют.

– Он мошенник! Хульденов надул и занял Амбаль. Этого тебе мало?

– Может, его самого надули, откуда ты знаешь? Ни в чём не повинный человек тоже не прочь выгодно вложить деньги.

– Ни в чём не повинный человек вернул бы незаконно присвоенную землю!

– Несомненно! Вдруг Касагейв так и сделает? – Ао повернулся к Глиннесу: – Ты с ним самим обсуждал этот вопрос? Нет? Я так и думал.

Глиннес с подозрением смотрел в сторону Амбальского острова:

– Пожалуй, следовало бы с ним поговорить. В одном сомневаться не приходится: даже ни в чём не повинный человек потребует назад свои двенадцать тысяч озолей, а у меня их нет.

– Он заплатил их Глэю, пусть к нему и обращается, – посоветовал Карбо. – Прежде чем заключать сделку, нужно было убедиться в том, что недвижимость принадлежит продавцу.

– Странно это с его стороны, очень странно... Если он не знал наверняка, что Шайра мёртва... а тогда напрашиваются гораздо худшие подозрения.

– Ну вот ещё! – огорчился Ао Гильвег. – Возьми быка за рога, поезжай, поговори с ним. Скажи, чтобы он освободил остров и забрал свои деньги у того, кто их получил – то есть у Глэя.

– Клянусь пятнадцатью дьяволами, ты прав! – провозгласил Глиннес. – Всё ясно и понятно – даже придраться не к чему! Завтра же с ним объяснюсь.

– Не забудь про Шайру, – напомнил Карбо Гильвег. – Касагейв может вести себя несдержанно.

– Лучше взять оружие, – согласился Ао Гильвег. – Ничто так не учит хорошим манерам, как направленный на тебя восьмиствольный бластер.

– Где я возьму оружие? – вздохнул Глиннес. – Треваньи обчистили меня, как жукоед коробку с наживкой. Разбойники! Не думаю, однако, что оружие понадобится, – надеюсь, Касагейв достаточно цивилизован и поймёт моё положение.

От Рэйбендерийского причала остров Амбаль отделяли лишь несколько сот метров спокойной воды – Глиннес пересекал этот плёс несчётное число раз. Никогда ещё путь не казался ему таким долгим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.